

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

ISSN 2587-8573

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ Вестник

международный научный журнал

7
2025

16+

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№7 (49) / 2025

Издается с мая 2017 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Курпаяниди Константин Иванович, PhD

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

В оформлении обложки использовалась картина Адриана Янса ван Остаде «Адвокат в своем кабинете».

Международный редакционный совет:

- Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию
и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и. о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Байрамов М.Т. Понятие и виды общенаучных методов, применяемых в юридической науке	1
Байрамов М.Т. Понятие, признаки и виды социальных норм. Право и мораль	3
Кабанцов В.С. Социальное государство: основные тенденции развития	4
Киселев А.А. Аристотелевская картина мира. Аподиктические и диалектические суждения в логике Аристотеля. Критерии научности юридического знания в догматической юриспруденции	6

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Тарасов П.П. Виды социальных регуляторов и норм в соционормативной системе общества. Исторический анализ их взаимодействия и эволюции	8
Тарасов П.П. Концепция «октроированных» прав человека и права гражданина	10

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Устинова Е.Н. Реализация конституционно-правового принципа равенства прав мужчины и женщины в международном праве и законодательстве отдельных государств	12
--	----

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Михаленко Н.А. Политико-правовые аспекты информационной безопасности Российского государства в контексте дискурсов международной безопасности	16
--	----

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Шукаев С.В. Понятие и проблемы информатизации гражданского процесса	20
--	----

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Кузьмин А.И. Актуальные вопросы правового регулирования времени отдыха	22
---	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Дзусов Р.С.

Критерии оценки степени общественной опасности преступлений, предусмотренных статьями 290–291.2 УК РФ 26

Саркисян А.С.

Проблемы квалификации преступлений, совершенных организованной группой (по материалам судебной и прокурорской практики) 29

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Байрамов М.Т.

Типичные ошибки предварительного расследования и пути их решения 33

Киселев А.А.

Проблемы института мер уголовно-процессуального принуждения 35

Тарасов П.П.

Проблемы обоснованности решения об избрании меры пресечения 37

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПЕНИТЕНЦИАРИЯ

Нургалиев И.И.

Условное осуждение: теория и практика 39

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Гринюк Л.А.

Международное сотрудничество и правовые механизмы защиты авторских и смежных прав на музыкальные произведения 42

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Понятие и виды общенаучных методов, применяемых в юридической науке

Байрамов Магаммед Тахир оглы, студент магистратуры

Научный руководитель: Соловьева Виктория Викторовна, доктор исторических наук, профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

Статья посвящена анализу общенаучных методов, используемых в юридической науке для исследования правовых явлений. Рассматриваются их классификация, сущность и практическое применение в правоведении. Особое внимание уделяется традиционным методам (историческому, системному, логическому, функциональному, социологическому), а также современным методологическим подходам (феноменологии, синергетике). Автор раскрывает значение каждого метода для юридических исследований, приводя примеры их применения в теории и практике права.

Ключевые слова: юридическая наука, общенаучные методы, методология права, исторический подход, системный подход, логический метод, функциональный метод, социологический метод, феноменология, синергетика, сравнительно-правовой метод.

Юридическая наука, являясь важнейшей составляющей социально-гуманитарного знания, использует широкий арсенал методов познания, позволяющих всесторонне изучать право как сложное и многогранное явление. Наряду со специальными юридическими методами (нормативно-догматическим, сравнительно-правовым, формально-юридическим), в правоведении активно применяются общенаучные методы, заимствованные из философии, социологии, истории и других наук. Актуальность исследования общенаучных методов в юриспруденции обусловлена необходимостью комплексного подхода к изучению правовых процессов, особенно в условиях динамично изменяющегося законодательства и усложнения общественных отношений. Использование этих методов позволяет не только анализировать действующие правовые нормы, но и выявлять закономерности их развития, взаимодействие с другими социальными институтами, а также прогнозировать дальнейшую эволюцию права. Цель данной статьи — рассмотреть основные общенаучные методы, применяемые в юридической науке, раскрыть их содержание и показать значение для современного правоведения.

Общенаучные методы представляют собой приемы и способы познания, используемые во всех или многих науках, но адаптированные к специфике конкретной научной дисциплины. В юридической науке они находят применение для анализа правовых норм и институтов, изучения закономерностей развития права, выявления взаимосвязей между правом и другими социальными явлениями, а также для прогнозирования изменений в правовой системе. Классификация этих методов может быть

проведена по различным основаниям. В рамках настоящего исследования мы сосредоточим внимание на следующих ключевых методах: историческом подходе, системном подходе, логическом методе, функциональном методе, социологическом методе, а также современных методологических подходах, включающих феноменологию и синергетику.

Исторический метод в юриспруденции предполагает изучение правовых явлений в их историческом развитии, что позволяет проследить эволюцию правовых норм и институтов, выявить причины изменений в законодательстве и определить влияние исторических событий на формирование права. Ярким примером применения данного метода служит исследование развития конституционного права России от Основных законов Российской империи до современной Конституции РФ, где четко прослеживаются преемственность и трансформация правовых принципов.

Системный подход рассматривает право как целостную систему, состоящую из взаимосвязанных элементов, включая нормы, институты и отрасли права. Этот метод особенно важен для анализа структуры права, выявления противоречий между правовыми нормами и обеспечения согласованности законодательства. Практическое применение системного подхода можно наблюдать при анализе системы источников права в Российской Федерации, где учитывается их строгая иерархия — от Конституции как основного закона до федеральных законов и подзаконных актов.

Логический метод, основанный на законах формальной логики, играет важную роль в анализе правовых

норм. Он активно используется для толкования юридических текстов, выявления пробелов и коллизий в праве, а также для построения точных правовых дефиниций и классификаций. В уголовном праве, например, логический анализ проявляется при установлении состава преступления, где последовательно рассматриваются признаки объективной и субъективной стороны правонарушения.

Функциональный метод направлен на изучение роли права в обществе и его социальных функций. Этот подход помогает определить эффективность правовых норм, выявить возможные дисфункции в правовом регулировании и оценить реальное влияние права на поведение людей. Наглядным примером применения функционального метода служат исследования эффективности антикоррупционного законодательства, где анализируется не только формальное содержание правовых норм, но и их практическое воздействие на уровень коррупции в различных сферах.

Социологический метод предполагает изучение права через призму социальных отношений и включает в себя такие исследовательские техники, как опросы, анкетирование, интервью, анализ судебной практики и изучение общественного мнения о правовых нормах. Этот метод особенно важен при проведении реформ, когда необходимо учитывать отношение общества к планируемым изменениям. Например, социологические исследования широко применялись при анализе общественного мнения относительно реформы пенсионного законодательства, что позволило выявить основные опасения и ожидания граждан.

Феноменологический подход, берущий свое начало в философии Эдмунда Гуссерля, акцентирует внимание на субъективном восприятии правовых явлений. В юридической науке этот метод позволяет изучать правосоз-

нание и правовую культуру, анализировать индивидуальное понимание справедливости и исследовать влияние правовых норм на сознание человека. Практическое применение феноменологии можно наблюдать при анализе восприятия судебной системы различными социальными группами, где учитываются не только формальные показатели работы судов, но и субъективное отношение граждан к правосудию.

Синергетический подход, заимствованный из естественных наук, рассматривает право как сложную самоорганизующуюся систему. Этот метод особенно полезен для прогнозирования нелинейного развития правовых систем, изучения хаотических процессов в праве (таких как революционные преобразования или масштабные реформы) и моделирования возможных сценариев правового развития. В современных условиях особую актуальность приобретает применение синергетического подхода к исследованию влияния цифровизации на трансформацию правового регулирования, где традиционные правовые институты сталкиваются с принципиально новыми вызовами и возможностями.

Общенаучные методы продолжают играть ключевую роль в юридической науке, обеспечивая комплексный и многогранный анализ правовых явлений. Традиционные методы, такие как исторический, системный, логический и другие, сохраняют свою актуальность, в то время как современные подходы, включая феноменологию и синергетику, открывают новые перспективы для изучения права в условиях глобализации и цифровой трансформации. Дальнейшее развитие методологии юридической науки требует активной интеграции междисциплинарных знаний, что позволит более эффективно решать актуальные проблемы правового регулирования и отвечать на вызовы современного быстро меняющегося мира.

Литература:

1. Соромотина В. А. Методология и методы юридической науки // Вопросы российской юстиции. 2022. № 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-i-metody-yuridicheskoy-nauki> (дата обращения: 28.06.2025).
2. Селютина, Е. Н. История и методология юридической науки: учебник и практикум для вузов / Е. Н. Селютина, В. А. Холодов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 203 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-16733-7. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/557808> (дата обращения: 28.06.2025).
3. Антонов, М. В. Теория государства и права: учебник и практикум для вузов / М. В. Антонов. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 497 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-05901-4. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/563442> (дата обращения: 28.06.2025).

Понятие, признаки и виды социальных норм. Право и мораль

Байрамов Магаммед Тахир оглы, студент магистратуры

Научный руководитель: Соловьева Виктория Викторовна, доктор исторических наук, профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

В статье рассматривается понятие социальных норм, их основные признаки и разновидности. Особое внимание уделяется анализу права и морали как важнейших регуляторов общественного поведения. Исследуются их общие черты и принципиальные различия, а также механизмы взаимодействия в процессе социального регулирования.

Ключевые слова: социальные нормы, право, мораль, регуляторы поведения, общественные отношения, правовые нормы, этические нормы, виды норм.

Социальные нормы представляют собой фундаментальный элемент организации любого человеческого общества, выступая важнейшим инструментом социального контроля. Эти нормативные установки, формирующиеся в процессе исторического развития, выполняют функцию упорядочивания социальных взаимодействий и поддержания общественной стабильности. Среди всего многообразия социальных регуляторов особое значение имеют правовые и моральные нормы, которые, обладая определенной спецификой, находятся в постоянном взаимодействии.

Актуальность исследования социальных норм обусловлена их системообразующей ролью в жизни общества. Понимание природы этих норм, их классификационных признаков и функциональных особенностей позволяет глубже осмыслить механизмы социального регулирования и закономерности общественного развития.

Социальные нормы можно определить как систему общепризнанных стандартов поведения, сложившихся в процессе исторического развития общества и направленных на регулирование взаимодействий между индивидами и социальными группами. Эти нормативные установки отражают ценностные ориентации конкретного социума и служат важным инструментом социального контроля.

К характерным признакам социальных норм относятся, прежде всего, их общий характер, что означает распространение на всех членов общества или определенной социальной группы. Они выполняют важнейшую регулятивную функцию, упорядочивая общественные отношения и обеспечивая предсказуемость социального поведения. Важно отметить, что их возникновение и развитие обусловлено объективными потребностями общества, что свидетельствует об их социальной природе.

Существенным признаком выступает формальная определенность, проявляющаяся в возможности письменного или устного закрепления. При этом социальные нормы всегда подкреплены системой санкций, которые могут носить как формальный (правовой), так и неформальный (общественное порицание) характер. Еще одной важной характеристикой является их историческая изменчивость — социальные нормы эволюционируют вместе с развитием общества.

Многообразие социальных норм позволяет классифицировать их по различным основаниям, что дает воз-

можность более глубоко понять их природу и функциональные особенности.

По способу формирования и закрепления выделяются несколько основных видов норм. Правовые нормы устанавливаются и санкционируются государством, закрепляются в официальных документах (законах, кодексах) и охраняются государственным принуждением. Примером могут служить нормы уголовного права, запрещающие преступные деяния.

Моральные (нравственные) нормы формируются в общественном сознании и основываются на представлениях о добре и зле, справедливости и несправедливости. Они поддерживаются силой общественного мнения и внутренними убеждениями людей. К ним относятся, например, нормы о помощи слабым или уважении к старшим.

Религиозные нормы содержатся в священных текстах и религиозных доктринах, регулируя поведение верующих. Они часто переплетаются с моральными нормами, но имеют более строгую систему запретов и предписаний. Пример — заповеди в христианстве или нормы шариата в исламе.

Обычаи и традиции представляют собой исторически сложившиеся правила поведения, передающиеся из поколения в поколение. Они особенно сильны в семейно-бытовой сфере (свадебные обряды, праздничные традиции). Корпоративные нормы действуют в рамках конкретных организаций и закрепляются в уставах, правилах внутреннего распорядка.

По степени обязательности нормы делятся на императивные (строго обязательные) и диспозитивные (рекомендательные). Императивные нормы не допускают отклонений — таковы большинство правовых запретов. Диспозитивные же нормы оставляют определенную свободу выбора, как многие нормы этикета.

С точки зрения сферы регулирования можно выделить политические нормы (регулирующие властные отношения), экономические (определяющие правила хозяйственной деятельности), семейные (упорядочивающие брачно-семейные отношения) и эстетические (связанные с представлениями о прекрасном).

По способу закрепления нормы бывают письменными (формальными) и устными (неформальными). Письменные нормы четко фиксируются в документах, тогда как устные передаются посредством традиций

и обычаев. По субъекту регулирования различают общесоциальные нормы (действующие во всем обществе), групповые (для отдельных социальных групп) и межличностные (регулирующие отношения между конкретными людьми).

Право и мораль, являясь важнейшими социальными регуляторами, обладают как общими чертами, так и существенными различиями. Объединяет их прежде всего общая цель — обеспечение социального порядка и стабильности. Оба вида норм формируют модели поведения и содержат оценочные критерии, позволяющие разграничивать допустимые и недопустимые действия.

Однако между правом и моралью существуют принципиальные различия. Право создается и санкционируется государством в строго определенных формах (законы, указы), тогда как мораль формируется стихийно в общественном сознании. Правовые нормы отличаются четкой формальной определенностью и закрепляются в официальных документах, в то время как моральные нормы существуют преимущественно в виде неписаных правил.

Санкции за нарушение правовых норм носят официальный характер и применяются государственными органами (штрафы, лишение свободы), тогда как нарушение моральных норм влечет за собой общественное осуждение или чувство вины. Сфера действия морали

значительно шире правового регулирования — она охватывает все стороны человеческой жизни, включая те области, которые право оставляет без внимания.

Еще одно важное отличие заключается в динамике развития: правовые нормы могут изменяться относительно быстро путем принятия новых законов, тогда как моральные нормы эволюционируют постепенно, отражая изменения в общественном сознании. При этом право часто закрепляет уже сложившиеся моральные нормы, как это произошло с запретом убийства или воровства.

Проведенный анализ показывает, что социальные нормы представляют собой сложную многоуровневую систему, пронизывающую все сферы общественной жизни. Их многообразие и взаимодополняемость обеспечивают устойчивость социальной системы, позволяя эффективно регулировать поведение людей в различных ситуациях.

Особое значение имеет взаимодействие права и морали, которые, несмотря на существенные различия, тесно переплетаются в процессе социального регулирования. Их гармоничное сочетание является важным условием стабильного развития общества. Дальнейшее исследование эволюции социальных норм и механизмов их взаимодействия остается актуальной задачей для социальных и гуманитарных наук.

Литература:

1. Трофимова Ю. В. Соотношение морали и права // E-Scio. 2022. № 9 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-morali-i-prava> (дата обращения: 28.06.2025).
2. Антонов, М. В. Теория государства и права: учебник и практикум для вузов / М. В. Антонов. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 497 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-05901-4. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/563442> (дата обращения: 28.06.2025).
3. Сорокина Ю. В. Соотношение права и морали в современной философии права // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. № 3 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-prava-i-morali-v-sovremennoy-filosofii-prava> (дата обращения: 28.06.2025).

Социальное государство: основные тенденции развития

Кабанцов Владимир Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Соловьева Виктория Викторовна, доктор исторических наук, профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

Социальное государство приобретает особую значимость в современных российских реалиях, поскольку на фоне глобальных экономических трансформаций и социальных вызовов требуется переосмысление принципов социальной политики. В России концепция социального государства прошла длительный путь развития. На сегодняшний день, существует статья 7 Конституции РФ, которая закрепляет, что Россия является социальным государством, его основные принципы. В статье исследована эволюция социальных функций Российского государства, проанализированы проблемы реализации конституционных принципов, рассмотрены основные тенденции развития социального государства в России.

Ключевые слова: социальное государство, социальная политика, история социального обеспечения, конституционные принципы, цифровизация социальной сферы, система права, правовые нормы, интерпретация права.

Различные подходы к определению социального государства предложены в российской конституционно-правовой науке. О. Е. Кутафин отмечал, что «главная задача социального государства — достижение такого общественного развития, которое основывается на закреплённых правом принципах социальной справедливости, всеобщей солидарности и взаимной ответственности. Социальное государство призвано помогать слабым, влиять на распределение экономических благ исходя из принципа справедливости, чтобы обеспечить каждому достойное существование». В. Е. Чиркин подчеркивает, что «социальное государство — это прежде всего активное, интервенционистское, регуляционное государство, вмешивающееся в сферу социально-экономических отношений и отношений в области культуры, духовной жизни, в конечном счете в общих (общественных) целях, хотя и не всегда на деле равно соблюдающее (и по своему положению не могущее одинаково соблюдать) интересы всех слоев общества и индивидов». М. В. Баглай считает, что «социальным называется государство, которое берет на себя обязанность заботиться о социальной справедливости, благополучии своих граждан, об их социальной защищенности» [1].

Феномен социального государства в России имеет глубокие исторические корни, которые уходят в эпоху формирования древнерусской государственности. Так, в «Русской Правде» — древнейшем своде законов Киевской Руси XI века — прослеживаются зачатки социальной защиты наиболее уязвимых слоёв населения.

Кардинальный перелом в подходе к социальным функциям государства произошёл в 18 веке. Пётр I своими указами 1701 и 1724 годов учредил первые государственные богадельни для престарелых солдат и инвалидов, продолжив политику защиты наиболее уязвимых слоев населения. Екатерина II в 1775 году создала систему «Приказов общественного призрения», которые стали прообразом будущих органов социальной защиты.

19 век стал периодом постепенной институционализации социальной политики. В 1861 году было создано Министерство государственного призрения, которое впервые объединило разрозненные социальные инициативы в единую систему. Особое значение стало приобретать рабочее законодательство конца 19 начала 20 века: законы 1886 года о найме рабочих, 1903 года о вознаграждении пострадавших от несчастных случаев, и особенно — пакет социального страхования 1912 года, которые были введены по инициативе премьер-министра П. А. Столыпина.

Октябрьская революция 1917 года кардинально изменила вектор развития социальной политики в России. Новое правительство с первых дней взяло курс на создание всеобъемлющей системы социального обеспечения. Так, в 1917 году были изданы декреты о страховании на случай болезни и о пособиях по безработице, а в 1918 году принята первая советская Конституция, которая гарантировала право на труд и социальное обеспечение.

После распада советского союза наблюдалась тенденция резкого сокращения государственных социальных расходов, если в 1990 году они составляли около 25% ВВП, то к 1995 году снизились до 12%. Принятие Конституции РФ 1993 года, провозгласившей Россию социальным государством (ранее упомянутая статья 7), больше декларировало намерения, не оказав большего воздействия на социальную политику государства. В целом, можно сказать, что в этот период произошла коммерциализация важнейших социальных услуг. Так, появился институт платных медицинских услуг и лекарственного обеспечения, образование также во многом встало на «коммерческие рельсы». Одна из важнейших частей социального государства — пенсионная система, переживала глубочайший упадок ввиду острого кризиса и гиперинфляции. Одна из наиболее уязвимых социальных групп — пенсионеры, в определенный период практически перестала получать помощь от государства, поскольку те малые денежные выплаты, которые выплачивались пенсионерам, ввиду тяжелейшей экономической обстановке в стране, представляли собой сумму крайне маленькую и не могли позволить целой группе населения вести нормальный образ жизни. Многие люди, уже давно вышедшие на пенсию, были вынуждены компенсировать отсутствие постоянного достойного дохода, продавали личные вещи, пытались выполнять скромно оплачиваемую работу.

Ситуация начала меняться в начале 2000-х годов с улучшением экономического положения страны. Произошел запуск многих национальных проектов, таких как «Здоровье» и «Образование», введён материнский капитал, выплачиваемый при рождении ребенка, началось повышение пенсий и зарплат бюджетников.

Достойная жизнь и свободное развитие человека не должны обеспечиваться только на основе прямого регулирования — установления пенсий, пособий, страховых взносов. Новой особенностью развития социальной функции государства является использование методов косвенного регулирования, например, налоговые льготы или налоговые каникулы, иные меры государственного стимулирования социальных программ частного бизнеса. Актуальность данные меры приобретают в период пандемии. Государство предлагает конкретные программы поддержки малого и среднего бизнеса: выделение субсидий, налоговые каникулы, оказание профессиональных консультаций, переподготовку специалистов и другие инициативы [3].

Исторический опыт России демонстрирует, что модель социального государства в нашей стране постоянно эволюционирует, отражая изменения политического курса и экономических возможностей. От элементов сословной благотворительности в царский период через всеобъемлющую, но экономически неэффективную советскую модель к современной системе, сочетающей рыночные механизмы с социальными гарантиями — таков путь развития социальных функций российского государства. Современный этап характеризуется поиском ба-

ланса между сохранением базовых социальных гарантий и необходимостью адаптации к новым экономическим реалиям. Будущее российской модели социального государства, вероятно, будет связано с дальнейшей цифровизацией, совершенствованием механизмов адресной поддержки и поиском устойчивых источников финансирования социальных программ. Успех этих преобразований во многом будет зависеть от способности госу-

дарства обеспечить конструктивный диалог с обществом по вопросам социальной политики и найти оптимальное соотношение между экономической эффективностью и социальной справедливостью. Как показывает исторический опыт, только сбалансированный подход, учитывающий как традиции российской государственности, так и современные вызовы, может обеспечить устойчивое развитие социального государства в России.

Литература:

1. Забралова О. С. Социальное государство: понятие, сущность и виды // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 6 (139). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-gosudarstvo-ponyatie-suschnost-i-vidy> (дата обращения: 26.06.2025).
2. Савина Т. Н., Ерастова К. О., Лебедева О. Н. Социальная политика: вызовы, возможности, перспективы // Финансы и кредит. 2019. № 2 (782). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-politika-vyzovy-vozmozhnosti-perspektivy> (дата обращения: 26.06.2025).
3. Старшова У. А. Развитие социального государства в современной России // Вестник ПАГС. 2020. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sotsialnogo-gosudarstva-vsovremennoy-rossii> (дата обращения: 26.06.2025).
4. Доклад Всемирного банка о развитии человеческого капитала в России. 2023. URL: <https://www.worldbank.org/> (дата обращения: 26.06.2025).
5. Материалы парламентских слушаний «Социальное государство: российская модель и мировые тенденции». Государственная Дума РФ, 2022. URL: <http://duma.gov.ru/services/izdat/isdatgd2022/> (дата обращения: 26.06.2025).

Аристотелевская картина мира. Аподиктические и диалектические суждения в логике Аристотеля. Критерии научности юридического знания в догматической юриспруденции

Киселев Артем Андреевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Соловьева Виктория Викторовна, доктор исторических наук, профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

Статья исследует взаимосвязь аристотелевской картины мира, его логики (в частности, различения аподиктических и диалектических суждений) и критериев научности юридического знания в догматической юриспруденции. Анализируется роль дедуктивного метода и диалектики в построении юридической системы, подчеркивается необходимость баланса между стремлением к строгой систематизации и учетом сложности и многогранности правовых явлений. Автор показывает, что научность юридического знания достигается не только через построение строгой дедуктивной системы, но и через диалектическое исследование правовых проблем.

Ключевые слова: Аристотель, аристотелевская логика, аподиктические суждения, диалектические суждения, догматическая юриспруденция, критерии научности, юридическое знание, дедукция, диалектика, методология познания, система права, правовые нормы, интерпретация права.

Аристотелевская картина мира, формировавшаяся в IV веке до нашей эры, оставила глубокий след в истории философии и науки. Ее влияние ощущается и в современном мире, особенно в области логики и методологии познания. В основе аристотелевской системы лежит стремление к систематизации знаний, выстраиванию стройной и непротиворечивой картины реальности. Ключевыми элементами этой системы являются учение о категориях, логика, и, конечно же, различие между аподиктическими и диалектическими суждениями.

Понимание этих аспектов позволяет пролить свет на критерии научности юридического знания в догматической юриспруденции.

Все виды научного доказательства Аристотель делит на аподиктические, строго научные, и «диалектические», опирающиеся на вероятность. На каждом шагу ставя вопросы о действительной диалектике объективного мира, философ, однако, еще не мог правильно расценить и обосновать истинно диалектический метод, отождествляя его с несовершенными теориями, основанными на мнении

и вероятности. Они обладают абсолютной необходимостью и истинностью. Классический пример — геометрические теоремы, выводимые из постулатов Евклида. Аристотель считал, что научное знание должно основываться именно на таких аподиктических суждениях, представляющих собой строгие, недоказуемые, но очевидные истины. Строгая дедуктивная система, выводимая из таких аксиом, гарантирует истинность всех заключений. В этом проявляется его стремление к построению строгой системы знаний, свободной от противоречий и неопределенностей. Как писал сам Аристотель в одном из трех своих этических сочинений «Никомахова этика» или «Этика Никомаха» — «путь мысли всегда здесь, в дедуктивном умозаключении ведет от общих начал к менее общим положениям».

В противовес аподиктическим суждениям, Аристотель выделял суждения диалектические. Для Аристотеля диалектика — вероятностное знание, осуществляемое по правилам логики. Аристотелевское понимание диалектики прошло через всю последующую историю философии. Живое оно и в современности. Учение же о материи и форме как о возможности и действительности — важнейший, определяющий компонент его первой философии, метафизики. Как метод диалектика противостоит метафизике, рассматривая альтернативные модели бытия и его организации. Метафизическое мировоззрение базируется на представлении о том, что бытие покоится на неких первоначалах, субстанциях, которые полностью его детерминируют. Все видимые изменения мира трактуются как иллюзорные, поскольку представляют собой изменения формы бытия, но не его сути, которая жестко привязана к субстанции (богу, духу, материи, воле и т. д.). Диалектика предлагает прямо-противоположную картину мира как находящегося в постоянном движении и развитии.

Влияние аристотелевской логики на развитие юриспруденции очевидно. Догматическая юриспруденция, стремящаяся к созданию строгой, систематизированной системы правовых норм, использует дедуктивный метод, напоминающий аподиктический подход. Юридические положения выводятся из основных принципов права, законов, и прецедентов. В идеале, вся юридическая система

должна быть логически стройной, без противоречий и неопределенностей. Однако, в практике достижение абсолютной аподиктической точности невозможно. Нормы права часто имеют нечеткие формулировки, а их применение зависит от множества факторов и интерпретаций.

Поэтому для юриспруденции особую роль играет диалектика. Юристы часто сталкиваются с неоднозначными ситуациями, требующими учета различных точек зрения и интерпретаций правовых норм. Споры, дискуссии, обмен мнениями — неотъемлемые элементы юридической практики. Анализ прецедентов, оценка различных аргументов — все это близко к аристотелевской диалектике. Таким образом, научность юридического знания в догматической юриспруденции достигается не только через построение строгой дедуктивной системы, но и через диалектическое исследование правовых явлений, учет множества факторов и возможностей их интерпретации.

Критерии научности юридического знания в догматической юриспруденции включают в себя ясность и непротиворечивость формулировок, логическую стройность системы, соответствие нормам права, а также возможность применения на практике. Однако, из-за сложности общественных отношений и непрерывного изменения законодательства, абсолютной точности и непротиворечивости достичь невозможно. Поэтому научность юридического знания в большей степени является стремлением к идеалу, чем абсолютно достижимой целью. Диалектическое исследование правовых проблем становится необходимым инструментом для построения более совершенной и адекватной реальности системы права.

В заключение, аристотелевская картина мира, с ее пониманием аподиктики и диалектики, остается актуальной и сегодня. Она помогает оценить методы познания в различных областях, в том числе и в юриспруденции. Стремление к аподиктической точности в догматической юриспруденции должно балансироваться с диалектическим подходом, способствующим адекватному пониманию и применению правовых норм в сложной и изменчивой реальности. Только гармоничное сочетание этих подходов позволит построить настоящую научную систему юридического знания.

Литература:

1. Аристотель Метафизика / Аристотель. — Азбука, 2023. — 416 с. — Текст: непосредственный.
2. Аверинцев, С. С. Два рождения европейского рационализма / С. С. Аверинцев. — Текст: непосредственный // Вопросы философии. — 1989. — № 3. — С. 3–13.
3. Асмус, В. Ф. Античная философия / В. Ф. Асмус. — 2-е изд. — Москва: Высшая школа, 1976. — 544 с. — Текст: непосредственный.
4. Асмус, В. Ф. Логика / В. Ф. Асмус. — Москва: Ленанд, 2024. — 400 с. — Текст: непосредственный.
5. Бочаров, В. А. Аристотель и традиционная логика: анализ силлогистических теорий / В. А. Бочаров. — Москва: Издательство МГУ, 1984. — 133 с. — Текст: непосредственный.
6. Гетманова, А. Д. Логика: Словарь и задачник / А. Д. Гетманова. — Москва: Владос, 1998. — 366 с. — Текст: непосредственный.
7. Берков, В. Ф. История логики / В. Ф. Берков, Я. С. Яскевич, С. В. Воробьева. — Минск: Новое знание, 2001. — 168 с. — Текст: непосредственный.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Виды социальных регуляторов и норм в соционормативной системе общества. Исторический анализ их взаимодействия и эволюции

Тарасов Павел Павлович, студент магистратуры

Научный руководитель: Соловьева Виктория Викторовна, доктор исторических наук, профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

Данная статья представляет собой углубленный анализ исторической динамики социальных регуляторов и норм, исследуя смену их ведущих ролей в различных общественных формациях. Анализ охватывает эволюцию от традиционных, основанных на обычаях и религии, механизмов социального контроля к современным, включающим правовые, институциональные и технологические структуры. Особое внимание уделяется взаимодействию различных типов регуляторов, а также факторам, способствующим их появлению, распространению, трансформации и упадку. Статья рассматривает влияние социальных, экономических и технологических изменений на эволюцию соционормативной системы, используя примеры из различных исторических периодов и культур.

Ключевые слова: социальные нормы, социальные регуляторы, соционормативная система, историческая эволюция, традиционное общество, индустриальное общество, постиндустриальное общество, информационное общество, право, религия, обычаи, мораль, этика, технологический детерминизм, социальный контроль, социальная институционализация.

Соционормативная система общества — это сложная, динамичная и многоуровневая структура, регулирующая социальное взаимодействие, обеспечивающая социальный порядок и воспроизводство общественных отношений. Она включает в себя совокупность социальных норм, правил поведения, механизмов социального контроля и институциональных структур, которые обеспечивают соблюдение этих норм. Исторический анализ показывает, что ведущая роль в этой системе неоднократно переходила от одних типов регуляторов к другим, отражая глубинные трансформации в социальной структуре, технологическом развитии, системе ценностей и способах организации общественной жизни. В данной статье мы проведем углубленный анализ этой эволюции, выделив ключевые этапы, факторы, обусловившие смену ведущих ролей различных социальных регуляторов, и проанализируем их взаимодействие в контексте различных общественных формаций.

В традиционных обществах, характеризующихся аграрным укладом, социальный контроль осуществлялся преимущественно через неформальные механизмы: обычаи, традицию, религию и семейные устои. Нормы были неписаными, передавались из поколения в поколение и основывались на коллективных представлениях о должном и недопустимом. Нарушение норм каралось общественным порицанием, изгнанием из об-

щины или ритуальными наказаниями, часто связанными с религиозными верованиями. Социальная структура была жестко иерархичной, социальная мобильность крайне ограничена, а социальный порядок поддерживался силой традиции и авторитетом старших. Примеры таких регуляторов можно найти в различных традиционных культурах, от племенных обществ до раннесредневековых государств. Роль формальных институтов была минимальной, и регулирование общественной жизни в значительной степени опиралось на неформальный социальный контроль и механизмы саморегуляции общины.

Переход к индустриальному обществу, сопровождавшийся урбанизацией, ростом населения, развитием рыночных отношений и разделением труда, привел к коренным изменениям в соционормативной системе. Неформальные регуляторы уже не могли эффективно справляться с нарастающей сложностью социальных взаимодействий. На первый план вышли формальные правовые нормы, формирующие сложные системы законодательства и государственных институтов. Возникновение буржуазного государства и правового государства способствовало созданию системы правосудия, специализированных органов управления и контроля, призванных регулировать экономические, социальные и политические отношения. Религиозные нормы продолжали ока-

зывать влияние, но их роль в социальном контроле заметно ослабла, хотя и сохранялась в определенных сферах общественной жизни. Индустриальное общество породило новые социальные группы, увеличилась социальная мобильность, что потребовало новых механизмов регулирования конфликтов и обеспечения социальной стабильности.

В постиндустриальном и информационном обществе соционормативная система становится еще более сложной и многогранной. Роль формальных правовых норм остается высокой, но наряду с ними возрастает значение этических норм, социальных стандартов, корпоративных правил, а также саморегуляции профессиональных сообществ. Институты гражданского общества, такие как неправительственные организации, СМИ и интернет-платформы, играют все более значительную роль в формировании общественного мнения, распространении социальных норм и осуществлении социального контроля. Глобализация, информационные технологии и быстрые темпы социальных изменений создают новые вызовы для соционормативной системы, требуя адаптации существующих и разработки новых механизмов социального регулирования. В этом контексте возникают вопросы о регулировании киберпространства, защиты персональных данных, борьбы с дезинформацией и обеспечения кибербезопасности.

Взаимодействие и конкуренция различных типов регуляторов. Важно подчеркнуть, что различные типы социальных регуляторов не существуют изолированно,

а взаимодействуют, дополняют и, зачастую, конкурируют друг с другом. Даже в современных обществах обычаи, традиции и религиозные нормы продолжают оказывать влияние на поведение людей, вступая во взаимодействие с правовыми и институциональными нормами. Эффективность соционормативной системы зависит от баланса между различными типами регуляторов, их взаимодополнения и адаптации к меняющимся социальным условиям. Конфликты между различными нормативными системами могут приводить к социальной напряженности и дестабилизации.

Историческая эволюция соционормативной системы представляет собой сложный и многоаспектный процесс, отражающий глубинные трансформации в обществе. Переход от традиционных, неформальных способов социального контроля к более формализованным и институционализированным механизмам сопровождается взаимодействием и конкуренцией различных типов регуляторов. Понимание этой эволюции является ключевым для эффективного управления социальными процессами и обеспечения социальной стабильности в современном мире, особенно учитывая возрастающее влияние информационных технологий и глобализационных процессов. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение воздействия новых технологий на соционормативную систему, анализ роли гражданского общества в формировании социальных норм, и разработку эффективных механизмов регулирования в условиях повышенной социальной изменчивости.

Литература:

1. Новгородцев, П. И. Конспект к лекциям по истории философии права / П. И. Новгородцев. — Москва: Огни, 2013. — 246 с. — Текст: непосредственный.
2. Венгеров, А. Б. Нормативная система и эффективность общественного производства / А. Б. Венгеров, Н. С. Барабашева. — Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1995. — 288 с. — Текст: непосредственный.
3. Вебер, М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. Господство / М. Вебер. — Москва: Издательский Дом ВШЭ, 2019. — 544 с. — Текст: непосредственный.
4. Бандурин, А. П. Социальная регуляция / А. П. Бандурин. — Текст: электронный // Библиотека диссертаций: [сайт]. — URL: <http://www.dslib.net/soc-filosofia/socialnaja-reguljacija.html> (дата обращения: 28.06.2025).
5. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. — 2-е изд. — Москва: Академический Проект, 2005. — 528 с. — Текст: непосредственный.
6. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. — Москва: Канон, 1996. — 432 с. — Текст: непосредственный.

Концепция «октроированных» прав человека и права гражданина

Тарасов Павел Павлович, студент магистратуры

Научный руководитель: Соловьева Виктория Викторовна, доктор исторических наук, профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

Настоящая статья представляет собой углубленное исследование концепции «октроированных» прав человека, подчеркивая её фундаментальные противоречия с современным пониманием прав человека как неотъемлемых и принадлежащих каждому индивидууму вне зависимости от его статуса или принадлежности к какой-либо группе. Анализ охватывает исторические корни этой концепции, её эволюцию и влияние на формирование различных правовых систем, а также рассматривает критические аргументы против неё, подробно раскрывая необходимость перехода к модели, основанной на принципах абсолютной универсальности и неотчуждаемости прав человека. Особое внимание уделяется различию между правами человека и правами гражданина, а также современным международно-правовым механизмам защиты прав человека.

Ключевые слова: права человека, права гражданина, октроированные права, естественные права, позитивные права, государство, правовая система, универсальность, неотчуждаемость, международное право, декларация прав человека, конституционализм, авторитаризм, тоталитаризм, либерализм.

Концепция «октроированных» прав человека, предполагающая, что права предоставляются индивидууму государством или другим суверенным органом, является противоположностью концепции естественных прав. В первой модели права рассматриваются как дарованные сверху, зависящие от воли правителя или законодательной власти, и, следовательно, могут быть изменены или отменены в любой момент. В концепции естественных прав, напротив, права являются присущими человеку от рождения, неотъемлемыми и неотчуждаемыми, предшествующими государству и ограничивающими его власть. Данная статья проведет детальный анализ исторических корней, теоретических оснований и практических последствий концепции «октроированных» прав, противопоставляя её современным международным стандартам в области прав человека.

Исторические предпосылки и эволюция концепции. Возникновение и распространение концепции «октроированных» прав тесно связано с историческим развитием абсолютных монархий, где суверенная власть сосредотачивалась в руках монарха, чьи указы и постановления были высшим законом. В таких системах права рассматриваются как инструмент управления, а не как гарантия свободы и автономии личности. Теория божественного права королей легитимировала такую систему, представляя монарха как наместника божия на земле, имеющего право распоряжаться жизнью и свободой своих подданных. В этом контексте права граждан рассматривались как пожертвования монарха, могущие быть изменены или отменены в любой момент по его усмотрению. Даже в современных демократических государствах, государство оказывает значительное влияние на формирование и реализацию прав человека, устанавливая процедуры их защиты и ограничения.

Однако с развитием буржуазных революций и распространением идей просвещения начался переход к концепции естественных прав. Философы эпохи просве-

щения сформулировали идеи о присущих человеку правах на свободу, равенство, справедливость и достоинство, которые не могут быть отняты государством. Это привело к формированию современных конституционных государств, где права граждан закреплены в конституциях и защищаются законами. Тем не менее, концепция «октроированных» прав продолжает влиять на формирование правовых систем в некоторых странах, особенно в тех, где государство сохраняет сильные авторитарные тенденции.

Различие между правами человека и правами гражданина. Необходимо подчеркнуть принципиальное различие между правами человека и правами гражданина. Права человека универсальны, принадлежат каждому индивидууму от рождения, независимо от гражданства, расы, религии или других характеристик. Эти права признаются международным правом и закреплены в таких документах, как Всеобщая декларация прав человека (1948 г.). Права гражданина, напротив, являются правами, предоставляемыми государством своим гражданам и часто связаны с политическим участием, налогообложением и другими аспектами взаимоотношений между гражданами и государством. Концепция «октроированных» прав более применима к правам гражданина, поскольку государство может изменять или ограничивать их в соответствии с законодательством. Однако, путаница между этими понятиями может привести к серьезным нарушениям прав человека, именно поэтому важно подчеркивать их фундаментальное различие.

В контексте прав гражданина важно отметить, что они не являются простым даром государства, а скорее результатом взаимодействия между индивидом и обществом. Гражданин, обладая правами, также несет определенные обязанности перед государством и другими гражданами. Это взаимное обязательство является основой демократического общества, где права и свободы обеспечиваются на основе принципов равенства и справедливости.

Критический анализ и современные вызовы, критика концепции «октроированных» прав основывается на её внутренней противоречивости и потенциальной опасности для прав человека. Возможность государства отменять или изменять права по своему усмотрению создает условие для произвола и несправедливости. Авторитарные и тоталитарные режимы часто используют эту концепцию для оправдания своих действий, ограничивая права граждан и подавляя диссидентство. В современном мире, где защита прав человека является фундаментальной ценностью, концепция «октроированных» прав рассматривается как устаревшая и неприемлемая.

Современные международные договоры и конвенции в области прав человека подтверждают приоритет естественных прав и обязанность государств их защищать. Международные организации, такие как ООН, играют важную роль в мониторинге соблюдения прав человека и привлечении государств к ответственности за их на-

рушения. Тем не менее, вызовы для защиты прав человека продолжают существовать, и концепция «октроированных» прав может быть использована для их подрыва.

Концепция «октроированных» прав человека является реликвией прошлого, не соответствующей современным международным стандартам и принципам защиты прав человека. Переход к модели прав человека как неотъемлемых и присущих каждому индивидууму — это не только теоретическая постановка вопроса, но и практическая необходимость для создания справедливого и демократического общества. Дальнейшие исследования должны быть направлены на анализ конкретных механизмов реализации прав человека в различных государствах, а также на разработку более эффективных международно-правовых инструментов для их защиты от произвольного вмешательства государства и усиления ответственности государств за соблюдение международных обязательств в этой области.

Литература:

1. Козюк, М. Н. Правовое равенство в механизме правового регулирования / М. Н. Козюк. — Волгоград: ВЮИ, 1998. — 87 с. — Текст: непосредственный.
2. Поздняков, Э. А. Философия государства и права / Э. А. Поздняков. — 2-е изд. — Москва: Весь Мир, 2016. — 339 с. — Текст: непосредственный.
3. Комарова, С. А. Основы государства и права / С. А. Комарова. — 7-е изд. — Москва: Юрайт, 2025. — 660 с. — Текст: непосредственный.
4. Глухарева, Л. И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование) / Л. И. Глухарева. — Москва: Юристъ, 2003. — 303 с. — Текст: непосредственный.
5. Локк, Д. Два трактата о правлении / Д. Локк. — Москва: Мысль, 1988. — 405 с. — Текст: непосредственный.
6. Лукашева, Е. А. Права человека / Е. А. Лукашева, Т. А. Васильева, Н. С. Колесова. — Москва: НОРМА, 2019. — 512 с. — Текст: непосредственный.
7. Ромашов, Р. А. Обеспечение правового минимума человеческого достоинства: вопросы теории и практики / Р. А. Ромашов. — Текст: непосредственный // Права человека: вопросы истории и теории: Материалы межвузовской научно-теоретической конференции. — 2004. — № 5. — С. 35–40.

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Реализация конституционно-правового принципа равенства прав мужчины и женщины в международном праве и законодательстве отдельных государств

Устинова Екатерина Николаевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автор исследует реализацию принципа равенства прав мужчины и женщины в международно-правовых актах и законодательстве отдельных государств.

Ключевые слова: равенство, конституция, международное право.

Ч 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации [1] признает и гарантирует права и свободы гражданина и человека согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, которые являются составной частью российской правовой системы.

Признавая принятые международным сообществом права и свободы человека, Российская Федерация одновременно обязуется не допускать их нарушения, создавать условия для их реализации и гарантировать их осуществление, поэтому так важно проанализировать нормы международного права.

Одной из составляющих принципа равенства является равенство мужчин и женщин, которое было объявлено одной из семнадцати целей в области устойчивого развития Повестки дня Организации Объединенных Наций на период до 2030 года [2]. В преамбуле Устава ООН указывается, что организация призвана утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой жизни, в равноправие мужчин и женщин. Одной из важнейших целей ООН провозглашено содействие всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии [3].

Устав ООН провозглашает равенство мужчины и женщины и называет пол среди признаков, дискриминация по которым запрещается. Но положение женщины в обществе не изменится, если не изменять и не преобразовывать качественно основы жизни — устранять неграмотность, суеверия, патриархальные представления, экономическую нужду и бедность в обществе.

Всеобщая декларация прав человека [4] отражает принцип равенства в следующих положениях: «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» (ст. 1), «каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами ... без какого бы

то ни было различия...» (ст. 2), «все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона» (ст. 7), «мужчины и женщины ... пользуются одинаковыми правами в отношении вступления в брак, во время состояния в браке и во время его расторжения» (ч. 1 ст. 16).

В международном пакте о гражданских и политических правах также регулируется принцип равенства гражданских и политических прав мужчины и женщины (ст. 3), равенство перед судом (ч. 1 ст. 14), равенство прав и обязанностей супругов в отношении вступления в брак, во время состояния в браке и при его расторжении (ч. 4 ст. 23), равенство прав всех детей, независимо от каких бы то ни было признаков (ч. 1 ст. 24), равенство всех людей перед законом и защита от дискриминации по какому бы то ни было признаку (ст. 26) [5]. В соответствии со ст. 3 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах страны-участницы пакта принимают на себя обязанность обеспечить равенство прав и свобод граждан своей страны вне зависимости от пола [6].

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин дает довольно подробное определение дискриминации в отношении женского пола [7]. Статья 1 Конвенции определяет: «Дискриминация в отношении женщин означает любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами, независимо от их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой области».

В ч. 1 ст. 4 указывается на возможность принятия государствами-участниками временных специальных мер, на-

правленных на ускорение установления фактического равенства между мужчинами и женщинами. В данном акте предоставлен целый ряд прав для женщин, призванный устранить неравноправие: в ч. а ст. 5 говорится о необходимости принятия мер с целью изменения культурных моделей поведения мужчин и женщин для искоренения предрассудков и упразднения обычаев, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипности роли мужчин и женщин. Также в качестве необходимых мер выделяется включение в семейное воспитание правильного понимания материнства как социальной функции.

В статье 7 гарантируется обеспечение мер по ликвидации дискриминации в отношении женщин в политической и общественной жизни страны и права голосовать на всех выборах и избираться во все публично избираемые органы, занимать государственные посты.

В Конвенции устанавливаются равные возможности в трудовой сфере (ст. 11): равное право на труд, одинаковые критерии отбора при найме, продвижение в должности, социальное обеспечение и право на охрану здоровья. Кроме того, особенно выделяются отдельные гарантии для женщин в трудовых отношениях (отпуск по беременности и родам, запрет увольнения на основании беременности) [8]. Статья 13 принимает меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин в областях экономической и социальной жизни, обеспечивает равные права на семейные пособия, на получение займов; участвовать в мероприятиях, связанных с отдыхом, занятиях спортом и во всех областях культурной жизни.

В статье 2 подробно раскрывается, какие меры следует вводить государствам-участникам. Они обязуются проводить политику ликвидации дискриминации в отношении женщин, для чего необходимо включить принцип равноправия мужчин и женщин в национальные конституции и обеспечить его практическое осуществление, установить юридическую защиту прав женщин и обеспечить с помощью системы национальных судов эффективную защиту против дискриминации, принимать все меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин со стороны какого-либо лица, принимать все соответствующие меры для изменения или отмены действующих законов, постановлений, обычаев и практики, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин.

Рассмотренные положения международных нормативно-правовых актов находят своё отражение в законодательстве значительного числа государств. Так, в ч. 2 ст. 3 Конституции ФРГ установлено: «Мужчины и женщины равноправны. Государство содействует действительному осуществлению равноправия женщин и мужчин и принимает меры для устранения существующих недостатков» [9].

В ст. 1 Конституции Нидерландов закреплено, что «отношение ко всем людям в Нидерландах должно быть равным при равных обстоятельствах, дискриминация

на основании убеждений, вероисповедания, политических взглядов, расы или пола либо каким бы то ни было иным причинам не допускается» [10]. В Преамбуле Конституции Франции указывается, что «закон гарантирует женщине во всех областях равные права с мужчиной» [11].

В ч. 1 ст. 32 Конституции Польши закреплено равенство прав мужчин и женщин в семейной, политической, социальной и экономической жизни, в ч. 2 данной статьи поясняется, что женщина и мужчина имеют «равное право на образование, занятость и продвижение по службе, на одинаковое вознаграждение за труд одинаковой ценности, на социальное обеспечение, а также на занятие должностей» [12]. В Армении данные принципы адресуются человеку и гражданину (ст. 16) [13], также уточняется, что «женщины и мужчины при вступлении в брак, в ходе супружеской жизни и при разводе пользуются равными правами» (ч. 2 ст. 32).

Некоторые авторы полагают, что наивысшим балансом гендерного равенства обладают скандинавские страны. Такого результата удалось достичь с помощью равного доступа к профессиональному развитию, представительства в органах, создания соответствующей антидискриминационной законодательной базы и национальных механизмов по обеспечению гендерного равенства (развитие системы дошкольных учреждений, работа со всеми членами семьи).

В современной Франции продолжается реализация гендернонейтральной политики. К примеру, начат переход к новому порядку направления работодателям анонимных резюме без личных фотографий, чтобы исключить дискриминацию на основании пола, имени и внешнего облика.

В то же время в США проводится политика «позитивной дискриминации». Под позитивной дискриминацией принято понимать меры по предоставлению преимущественных прав для отдельных групп населения, применяемые для достижения равенства в должностях, уровне образования и доходов. Данная политика поддерживает членов группы, находящейся в неблагоприятном положении и подвергающейся дискриминации.

Но у нее есть существенный недостаток. Позитивная дискриминация представляет одну из форм обратной дискриминации. Предоставление льгот представителям «дискриминируемой» группы создает ситуации, в которых менее квалифицированный, чем представитель большинства, представитель меньшинства оказывается в более благоприятном положении. Такой подход повышает недовольство групп населения, исключенных из программ поддержки.

В Европейской Конвенции по правам человека также установлены нормы, запрещающие дискриминацию: «Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи...» [14]. Таким образом, правовой принцип недопущения дискриминации по признаку пола

уже давно сформировался и закрепился в нормах международного права, хоть мы и не можем рассматривать его как общепризнанный принцип, поскольку далеко не во всех государствах он получил закрепление на законодательном уровне.

В рамках 107-й сессии Международной конференции труда Генеральный директор Международной организации труда Гай Райдер отметил: «мы до сих пор далеки от достижения цели обеспечения равенства, и темпы продвижения вперед к этой цели весьма медленны, неравномерны и неопределенны» [15]. Несмотря на то, что в мировом сообществе активно развивалась и продолжает развиваться идея всеобщего равенства людей, в некоторых странах мужчины и женщины не обладают одинаковым объемом прав и обязанностей.

Конституции государств СНГ содержат четкие положения, запрещающие дискриминацию по признаку пола. Однако из-за влияния советских традиций, поддерживавших важное значение статуса матери, многие из государств и в наше время сохраняют в конституции соответствующие положения, обеспечивающие защиту материнства. Данное положение воплощается в протекционистском характере законов о труде (наличие списка запрещенных профессий), а также наличии повышенных социальных гарантий и пособий, направленных на усиление значимости роли матери.

Достаточно сложной проблемой является отсутствие равенства или существенное его умаление в странах «исламского мира». Это обусловлено спецификой культурного и государственно-правового развития общества подобных стран, что делает необходимым очень осторожное

проведение сопоставления с аналогичными правовыми явлениями и институтами, рассмотренными ранее.

Следует начать с того, что во многих мусульманских странах у женщин отсутствуют избирательные права. В Египте процедура развода для женщин является весьма сложной. В Йемене женщина не имеет права покидать дом без разрешения мужа, свидетельствовать в случае кражи, клеветы, супружеской измены и других ситуациях, не являясь полноценным свидетелем с точки зрения суда.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что изучение международных и национальных стандартов прав человека также необходимо, поскольку многие из норм международного права непосредственно закреплены в российском законодательстве и требуют к себе особого внимания, сравнение законодательств различных стран в области принципа равенства прав дает полное представление о возможностях его развития в отечественной правовой действительности.

Международные стандарты гендерного равенства представляют собой предусмотренные международно-правовыми актами средства и способы, с помощью которых обеспечиваются равные права мужчин и женщин и равные возможности для их реализации в различных сферах жизнедеятельности общества. Они, являясь особым минимумом требований, предъявляемых международным сообществом к государствам, влияли и продолжают влиять на развитие российского законодательства, в том числе путём прямого приоритетного применения общепризнанных принципов и норм международного права, закреплённых в международных договорах.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с изм. от 14.03.2020) [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102027595#I0.
2. Резолюция, «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» № 70/1, принята Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1>.
3. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Действующее международное право. Т. 1. — М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 7–33.
4. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]: принята резолюцией Генер. Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. A/RES/217A (III) // Официальный отчет первой части третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН: резолюции, 21 сентября — 12 декабря 1948 г. A/810. С. 39–42. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах, принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
6. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml.
7. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml.
8. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml.

9. Конституция Федеративной республики Германия от 08.05.1949 // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gg/eingangsformel.html>.
10. Конституция Нидерландов от 15.07.2008 // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.government.nl/documents/regulations/2012/10/18/the-constitution-of-the-kingdom-of-the-netherlands-2008>.
11. Конституция Французской республики от 04.10.1958 (с изм. от 23.07.2008) // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/en/constitution-of-4-october-1958>.
12. Конституция Республики Польша от 02.04.1997 г. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sejm.gov.pl/prawo/konst/polski/kon1.htm>.
13. Конституция Республики Армения от 05.07.1995 (с изм. от 06.12.2015) // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.irtek.am/views/act.aspx?aid=231>.
14. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 (с изм. от 24.06.2013) // [Электронный ресурс]. URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_eng.pdf.
15. Доклад I (B) Генерального директора МОТ «Инициатива, касающаяся трудящихся женщин: импульс к обеспечению равенства», Международная конференция труда, 107-я сессия, 2018 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-ed_norm/-relconf/documents/meetingdocument/wcms_630128.pdf.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Политико-правовые аспекты информационной безопасности Российского государства в контексте дискурсов международной безопасности

Михаленко Никита Алексеевич, ведущий юрисконсульт

Приволжский государственный университет путей сообщения (г. Самара)

В статье автор проводит сравнительный анализ подходов к обеспечению международной информационной безопасности России и пониманию самой природы МИБ угроз. Для сравнения академических дискурсов, существующих в этой сфере, автор обращается к теоретическим трудам ученых — правоведов и приходит к выводу: главным отличием законодательства по кибербезопасности западных стран и России является то, что нормативные правовые акты и национальные киберстратегии западных стран подчеркивают эпоху соперничества в киберпространстве, а значит, консенсус в аспекте решения вопросов кибербезопасности на сегодняшний день вряд ли достижим.

Ключевые слова: государство, международные отношения, конфликт, киберпространство, стратегия, конструктивизм, реализм, кибербезопасность.

Значимость информационной безопасности (далее, ИБ) для любого государства и общества трудно переоценить, поскольку она является основой защиты национальных интересов, обеспечения стабильности общества и играет важную роль в международной политике. Мировое сообщество обращает большое внимание на эту проблему в связи с необходимостью предотвращения использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в военно-политической сфере и стимулирования их использования в мирных целях. Рост интереса к безопасности информационных и компьютерных систем установили новую эру развития данного понятия.

История информационной безопасности России начинается с постсоветского периода. Понятие «информационной безопасности» вошло в оборот в дипломатической сфере в конце 1990-х годов, когда страна стала экспериментировать с новыми способами использования киберпространства.

Первой крупной адаптацией России стало создание глобальной сети неформальных связей, которую можно было использовать для экономических целей и как инструмент разведывательных служб. После распада СССР российские исследователи рассматривали информационные технологии как способ увеличения силы при минимальных затратах, особенно в условиях отставания России от США в обычных вооружениях в 1990-е годы [2]. Определение в сфере дипломатии наличия «триады угроз», связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий, согласно российскому проекту резолюции «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной

безопасности» 1998 года, появляется в России в этот же период.

Во время обсуждений ИБ под эгидой ООН в 1998 году проявилось различие в подходах России и западных государств. Россия предложила понятие «международная информационная безопасность» (МИБ), на что западные страны, деловые круги и некоторые международные организации выступили против. В отличие от термина «кибер», информационная безопасность включает как технические, так и политико-идеологические аспекты. На международном уровне была достигнута согласованная формулировка — «безопасность в области использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и самих ИКТ».

Второй адаптацией России стало применение кибертехнологий, например, против критической инфраструктуры Эстонии во время дипломатического конфликта в 2007 году. Тем не менее, когда американская дипломатия в 2011 году включила свободу интернета в список прав и свобод человека, российская тоже претерпела значительные изменения. Так, совершенствуя программу работы с кибероперациями, в России в 2013 году по проекту, возглавляемого В. Володиным, создано Агентство интернет-исследований (IRA).

В 2014 году военная доктрина России была перепирана, включив разделы об информационной войне, с описанием способов использования информации для ослабления государств. Основные идеи этой перемены были изложены в «Доктрине Герасимова», которая рекомендовала адаптировать американские киберметоды под свои нужды [3, с. 263].

Суть в том, что влияние ИКТ на политические, социальные и другие процессы во всех странах, включая Россию, огромно. На текущий момент, все вооруженные конфликты, включая украинский кризис используют ИКТ для решения политических и экономических задач [14]. Государства, способные эффективно использовать данные и управлять ими, могут укрепить свои позиции на мировой арене и создавать дополнительные сложности для своих противников, ставя под сомнение достоверность их информации.

В приоритете любой страны находится обеспечение национальной безопасности. Для этого государства разрабатывают стратегии для укрепления своих связей с партнерами и союзниками в сфере цифровых технологий. Это проявляется в потребности региональной организации информационного пространства и динамики международного сотрудничества при обеспечении кибербезопасности, включая усиление роли Организации Объединенных Наций в этом процессе. Для оправдания выбранной внешнеполитической стратегии и передачи информации как на международном, так и на внутреннем уровне, используются дискурсы безопасности.

В анализе, сделанном автором при изучении различных литературных источников, в области обеспечения и поддержания международной информационной безопасности существует два основных подхода к пониманию:

- информационная безопасность и все элементы безопасности, существующие в цифровой среде (этим подходом пользуется Китай, Россия и др.);
- кибербезопасность, представленная техническими вопросами безопасности и ее обеспечения в пределах цифровой среды (США и все ближайшие к США государства).

Остается также некоторое различие в документах: в России, в основном, используется термин «информационная безопасность», в США — «кибер-безопасность», в Европейском союзе — «кибер- или цифровая безопасность».

В литературе, официальных документах США и Европейского Союза, встречается понятие «кибербезопасность», включающее технические аспекты защиты. Западные страны придают особое внимание защите информационной инфраструктуры, нежели самой информации. В случае информационной пропаганды и продвижения внешнеполитических интересов через различные среды, такие как Интернет-телевидение, социальные сети, мобильная связь и т. д., западное сообщество использует понятие «цифровая (электронная) дипломатия» (ЭД). В данном контексте, ЭД является частью публичной политики США [18].

В Европейском союзе кибербезопасность рассматривается в двух стратегических документах — Цифровой стратегии ЕС и Стратегии кибербезопасности. Они обращают внимание на безопасный цифровой переход с учетом прав человека. Европейские страны и ЕС в целом все больше приближаются к российской позиции в определении во-

просов безопасного использования ИКТ, включая социально-гуманитарные вызовы.

В России определены две сферы безопасности: информационно-психологическая и кибербезопасность. Первая связана с психологическим воздействием на сознание общества через ИКТ, ее отвечает Департамент информации и печати МИД России. Вторая связана с применением ИКТ для нанесения физического ущерба и вывода из строя информационной инфраструктуры противника, за нее отвечает Департамент международной информационной безопасности МИД России. Согласно отечественной трактовке, приведенной в Стратегии национальной безопасности РФ [12] и положений в Доктрине информационной безопасности РФ [11], указывается на необходимость защиты как государственных, так и частных интересов. Данный подход корреспондируется с конституционной обязанностью, закрепленной в статье 2 Конституции Российской Федерации, связанной с обеспечением защиты прав и свобод человека [6].

В отличие от американского подхода — анализе технических аспектов (защита безопасности критической информационной инфраструктуры выходят на первый план), в России особое внимание уделяется анализу информационно-психологических (социо-гуманитарных и политико-идеологических) аспектов использования информационно-коммуникационных технологий.

Эти подходы, сложившиеся в научной литературе по проблематике информационной безопасности, отличаются друг от друга в связи с различиями в подходах к пониманию самой природы угроз МИБ.

США и страны Западной Европы порой проводят агрессивную правовую политику в решении данной проблемы, демонстрируя собственную способность к информационной войне [8, с. 165–167]. Позиция России является более сбалансированной, направленная на сотрудничество с заинтересованными странами. Эту идею сотрудничества Россия продвигает на международном уровне.

Для сравнения академических дискурсов в сфере МИБ были использованы работы таких авторов как Г. Саймонс, Дж. Най, Х. Ниссенбаум, Б. Симонс [10, с. 157–173], а также российских авторов (Е. Зиновьевой, М. Кучерявого, А. Смирнова и др). Информационную безопасность эксперты изучают, применяя различные теории международных отношений (ТМО) в зависимости от целей исследования.

Большинство работ, включающих в себя изучение проблем цифровой среды, а также обеспечения ИБ, является трудами авторов-конструктивистов [1, с. 86–96]. С позиции таких авторов конструктивистский подход можно использовать для исследования проблем обеспечения ИБ: цифровая среда — это тема не одной страны, а всей мировой политики. При этом проблемы обеспечения ИБ — это та область, которая появилась как один из результатов деятельности человека («социальное конструирование реальности») [9].

Одна из особенностей теории конструктивизма представляет возможности для дополнения реалистской

трактовки основных проблем МИБ одним из лучших пониманий фактора восприятия угроз в рамках государственной политики в представленной области. В работах М. Финнемор и Д. Холлис МИБ рассматривается с позиции конструктивистской теории интернациональных отношений. Авторы считают небезопасность в пределах киберпространства одним из состояний новой нормальности. Как раз из-за этого кибербезопасность стала одним из ключевых приоритетов как для ИКТ-компаний, так и для государств, а также для промышленности, информационных технологий и их пользователей [16, р. 426].

Не только сами государства, но и различные заинтересованные лица обращаются к основным нормам в виде одного из политических инструментов, позволяющих обеспечивать кибербезопасность и киберпространство в широком его понимании. Эксперты из США отмечают, что повторение модели поведения и привычки, в особенности если они не оспариваются, способствуют не только формированию, но и принятию норм в пределах общества.

Конструктивизм в целом может быть достаточно полезным инструментом, если необходимо понять действующие сейчас угрозы кибербезопасности, с которыми государства так или иначе сталкиваются [16]. Согласно конструктивизму, восприятие влияет не только на внешнюю государственную политику, но и на идентичность государств.

Сторонников ТМО реалистского направления, которыми являются Д. Дрезнер, Т. Ву и Дж. Голдсмит [15], немного. Реализм, (в особенности неореализм), основывается на использовании более логичного подхода к ключевым теоретическим вопросам, касающимся информационного общества и МИБ. Для реализма характерно признание национальных интересов и факта того, что каждая рассматриваемая по отдельности страна хочет значительно поднять военную мощь в киберпространстве.

Неореализм представляет роль ИКТ как один из факторов стратегической стабильности во взаимоотношениях между США и Россией, а также в пределах международной системы. США и Россия — те самые ключевые акторы, существующие и действующие в пределах киберпространства [13, с. 29–39], где особенную роль в их взаимодействии играют цифровые возможности.

Стоит отметить, что повышение уязвимости государства на фоне научно-технологического развития приводит к гонке кибервооружений. По мнению А. Куликовой, «развивается система кибершпионажа и ведется разработка программного обеспечения (ПО), способного причинить вред объектам критической информационной инфраструктуры» [7]. Из-за того, что интересы стран противоречат друг другу, главный международный процесс — это конфликт в цифровой среде. Крайняя форма конфликта — кибервойна. Вероятность её появления растёт, между государствами конфликты становятся едва ли не самой лучшей стратегией, даже с учетом того, что взамен конфликтов могут быть использованы взаимодействие или же сотрудничество [17, р. 43].

Главная цель США и России, как отмечается в реалистской парадигме, в рамках информационного пространства заключается в обеспечении своей собственной безопасности. Из-за угроз и опасностей США и России стараются не взаимодействовать, а улучшать собственные ресурсы и кибертехнологии. Итогом такого взаимодействия между странами в представленной сфере становится «игра с нулевой суммой».

С позиции реалистического подхода можно объяснить гонки в кибервооружении как реакцию на угрозу в мире, где правила и нормы необходимости могут быть нарушены. Согласно американскому эксперту Р. Джервису, при наращивании наступательного потенциала в цифровой среде возникает дилемма безопасности, когда это оказывается более выгодным по сравнению с наращиванием оборонительного потенциала. В свете текущей геополитической обстановки, Россия испытывает определенные опасения относительно намерений США, и возможность того, что они неисклчительно оборонительного характера. Стоит выделить, что в условиях киберпространства оборонительные и наступательные возможности в рамках киберпространства почти невозможно отличить друг от друга [5].

Исследователи, придерживающиеся реалистической позиции, утверждают, что конфликты являются первоочередными, в то время как межгосударственное взаимодействие является вторичным. Это объясняет отсутствие комплексного сотрудничества между Россией и США в сфере безопасности. Современная киберстратегия США предполагает постоянную стратегическую конкуренцию, которая позволит государству расширить своё влияние. В некоторых аналитических материалах проводятся сравнительные исследования целей, преследуемых ЕС и США при разработке современных нормативно-правовых актов в сфере киберпространства [4, с. 210–231].

Одним из ключевых аспектов международного сотрудничества в цифровой среде являются создание союзов и альянсов между государствами в целях совместной киберобороны. Примерами таких союзов могут служить НАТО и ШОС, которые функционируют на подобии военных союзов. Однако в отличие от традиционного мира, в киберпространстве достижение полной безопасности невозможно из-за постоянного развития цифровых технологий.

Таким образом, в условиях глобализации киберпространство, не ограниченное государственными границами, становится ареной острой политической, экономической, информационной и культурной конкуренции. Контроль в киберпространстве приобретает решающее значение для обеспечения господства в реальном мире. Развитие цифровых технологий уже не может рассматриваться как второстепенный аспект анализа международных отношений. И хотя стабилизация международных отношений в области кибербезопасности может быть достигнута на определенный период, она всегда будет иметь временный характер.

Литература:

1. Бакиров, Р. Р., Цветкова Н. А. Политика кибербезопасности США — эволюция, угрозы и оппоненты, 1990–2010-е гг. // *Международные отношения*. — N. 4. — 2019. — С. 86–96.
2. Болгов, Р. В. Информационные технологии в современных вооруженных конфликтах и военных стратегиях (политические аспекты). Дис. канд. полит. наук. СПбГУ, 2010. — Текст: непосредственный — 182 с.
3. Данельян, А. А. Международно-правовое регулирование киберпространства // *Образование и право*. — 2020. — № 1. — С. 263.
4. Дегтерев, Д. А., Рамич М. С., Цвык В. А. США — КНР: транзит власти и контуры «конфликтной биполярности» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения*. — 2021. — Т. 21. — № 2. — С. 210–231.
5. Дилемма безопасности также становится более серьезной, 96 Jervis R. Cooperation Under the Security Dilemma. // *World Politics* 30 (2). — 1978. — P. 187–194.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. / URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 06.10.2024).
7. Куликова, А. Возможна ли гонка кибер-вооружений между Россией и США? // ПИР-центр. Москва. 28.01.2015. / URL: <https://pircenter.org/editions/vozmozhna-li-gonka-kibervooruzhenij-mezhdu-rossiej-i-ssha/?ysclid=m2kjgkwfoe737865170> (дата обращения: 17.12.2024).
8. Михаленко, Н. А. Отечественный суверенный Рунет и зарубежные модели интернет-безопасности: сравнительно-правовое исследование. / Н. А. Михаленко. — Текст: непосредственный // *Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право»*. Москва, 2024. — № 9. — С. 165–167.
9. Ромашкина, Н. П., Марков А. С., Стефанович Д. В. Международная безопасность, стратегическая стабильность и информационные технологии. / Отв. ред. А. В. Загорский, Н. П. Ромашкина. — М.: ИМЭМО РАН, 2020. — 98 с.
10. Симонс, Б. Международные исследования в век глобальной информатизации. // *Современная наука о международных отношениях за рубежом. Хрестоматия в трех томах* / Под общ. ред. И. Иванова. — М.: НП РСМД, 2015. — Т. 1. — С. 157–173.
11. Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 12.12.2016, N 50, ст. 7074
12. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // «Собрание законодательства РФ», 15.05.2017, N 20, ст. 2901
13. Шаклеина, Т. А. Великие державы и региональные подсистемы. / Т. Шаклеина // *Международные процессы*. — Том 9. — N. 2. — 2011. — С. 29–39.
14. Яникеева, И. Влияние информационной войны на отношения между Россией и Украиной. [Электронный ресурс] / URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/182145358> (дата обращения: 17.12.2024)
15. Drezner, D. The Global Governance of the Internet: Bringing the State Back In. // *Political Science Quarterly*. — N. 3 (119). — 2004.; Goldsmith J., Wu T. Who controls the Internet? — Oxford: Oxford University Press. — 2006.
16. Finnemore, M., Hollis D. Constructing Norms for Global Cybersecurity. // *American Journal of international Law*. // Temple University Beasley School of Law. Legal Studies Research paper. — N. 52. — 2016. — P. 426.
17. Gamble, A., Payne A. The World Order Approach. Theories of New Regionalism: A Palgrave Reader. Ed. by Fredrik Söderbaum and Timothy M. Shaw. L. // Palgrave Macmillan. — 2003. — P. 43.
18. Naisbitt, J. Global paradox: the bigger the world economy the more powerful its smallest players. — N. Y.: Morrow, 1994. — 304 p.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Понятие и проблемы информатизации гражданского процесса

Шукаев Семен Витальевич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье автор исследует понятие и проблемы информатизации гражданского процесса. На современном этапе развития информационных систем анализ таких понятий, как информатизация, цифровизация, электронное правосудие представляется наиболее актуальным именно в контексте гражданского процессуального права.

Ключевые слова: правосудие, гражданский процесс, информатизация, цифровизация, электронное правосудие.

В настоящее время ученые-процессуалисты все чаще используют для написания своих трудов следующие понятия: информатизация, цифровизация и электронное правосудие. На сегодня в законодательстве Российской Федерации отсутствует нормативное закрепление данных терминов.

Указ Президента РФ от 28.06.1993 № 966 «О Концепции правовой информатизации России» содержит понятие — правовая информатизация, под которой понимается процесс создания оптимальных условий максимально полного удовлетворения информационно-правовых потребностей государственных и общественных структур, предприятий, организаций, учреждений и граждан на основе эффективной организации и использования информационных ресурсов с применением прогрессивных технологий [1].

В доктрине гражданского процессуального права сложились различные мнения по определению информатизации, в частности из-за наличия ещё двух специальных терминов, упоминаемых в данном аспекте, это «электронное правосудие» и «цифровизация». Одни ученые считают, что информатизация в соотношении с электронным правосудием представляет собой лишь процесс оснащения судов техническими средствами, когда вторая категория имеет более всеобъемлющий характер [2, с. 55]. Кроме того, предлагается суждение, что электронное правосудие — это результат информатизации, то есть её следствие. Информатизация деятельности судов в значении использования информационных технологий и сервисов, выполняющих свои функции с помощью сети Интернет, не включается некоторыми учеными в понятие «электронное правосудие» или рассматривается как электронное правосудие в широком смысле [3, с. 3].

Категория «электронное правосудие» также имеет множество подходов к определению своего значения в виде составной части электронного государства или способа осуществления правосудия, основанного на использовании информационных технологий [4, с. 249],

еще одним вариантом является рассмотрение электронного правосудия как приема реализации правосудия, в основе которого лежит использование информационных технологий в процессе производства конкретных процессуальных действий, данная точка зрения исходит из инструментально-процедурного подхода [5, с. 45].

Термин «цифровизация» является скорее частным случаем применения в цивилистической процессуальной доктрине, так как представляет собой следующий этап информатизации и означает, что вся информация, полученная по результатам процессуальной деятельности суда преобразуется и существует в цифровой форме [6, с. 65].

Наличие такого большого количества различных подходов к пониманию исследуемых категорий, а также необходимость их разграничения для обозначения определенной самостоятельности существования обусловлены использованием данных терминов в Федеральных целевых программах по развитию судебной системы (далее для Федеральных целевых программ — ФЦП). В ФЦП «Развитие судебной системы России на 2002–2006 годы» [7] было задействовано понятие «информатизация судебной системы и судов», его сменил термин «электронное обеспечение правосудия» в ФЦП «Развитие судебной системы России на 2007–2012 годы» [8], на данный момент в ФЦП «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» содержится категория «электронное правосудие» [9]. Следует также отметить, что именно термин «электронное правосудие» употребляется все чаще и обладает большей популярностью среди авторов научных работ, этот факт является полностью оправданным, так как данное понятие способно в более широкой и полной мере охарактеризовать процесс внедрения, использования, а также развития информационных технологий и сервисов в цивилистическом процессе.

Информатизация гражданского процесса, несомненно, очень важная тенденция, которая ведет к созданию единой системы электронного правосудия. Это явление имеет положительные стороны, выражающиеся

в очевидной оптимизации судопроизводства, что будет соответствовать принципу процессуальной экономии; в повышении доступности процедуры участия в процессе с учетом территориальных особенностей государства; в снижении судебных расходов и так далее.

Несмотря на большое количество плюсов в пользу внедрения и использования все новых информационных технологий в гражданском процессе, существует также определенное количество проблем.

Первая проблема заключается в том, что на данный момент судами используются устаревшие и несовместимые технологии. Так, отсутствие внутреннего документооборота между разными судами может вызывать необходимость дублировать процедуры обмена документами, осложняя производство по делу [10, с. 151].

Вторая проблема носит социальный характер, так как повсеместная информатизация гражданского процесса потребует от граждан наличия хотя бы базовых навыков во владении техническими средствами, ведь не имеющие должного уровня образования и грамотности лица,

возрастные слои населения не смогут воспользоваться правом на обращение в суд, что в какой-то степени будет нарушать конституционный принцип осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон [11].

Третья проблема имеет непосредственное отношение к работникам суда, так как с приходом электронного документооборота сотрудники органов судебной власти вынуждены дублировать информацию, содержащуюся в цифровом формате на бумажные носители, что приводит к удваиванию документооборота и к увеличению функциональных обязанностей работников аппарата суда [12, с. 470].

Информатизация гражданского процесса как этап к построению системы электронного правосудия является очень важным и необходимым явлением, которое на современном этапе обладает рядом позитивных и негативных факторов, конкретных практических проблем, но имеющих способы своего разрешения, что говорит о неизбежности преобразования судебной системы.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 28.06.1993 № 966 (ред. от 22.03.2005) «О Концепции правовой информатизации России» // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025. Режим доступа: Локальная сеть Науч. 6-ки Том. Гос. ун-та.
2. Щербакова Л. Г. К вопросу о соотношении понятий «электронное правосудие», «электронные судопроизводство» и «информатизация судов» по гражданским делам // Правовая культура. — 2022. — № 3. — С. 50–55.
3. Федосеева Н. Н. Электронное правосудие в России и мире / Н. Н. Федосеева, М. А. Чайковская // Администратор суда. — 2011. — № 3. — С. 2–8.
4. Авербах Е. Ю. Правовые основы создания и развития электронного правосудия в Российской Федерации // Наука XXI века: актуальные направления развития. — 2016. — № 1. — С. 247–252.
5. Телешина Н. Н. Реализация электронного правосудия в России (на примере Арбитражного суда Владимирской области) // Арбитражный и гражданский процесс. — 2014. — № 6. — С. 42–47.
6. Власов Д. В. К вопросу о понятии информационных технологий и их применении в гражданском судопроизводстве // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2021. — № 3. — С. 65–71.
7. Постановление Правительства РФ от 20.11.2001 № 805 (ред. от 06.02.2004) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2002–2006 годы» // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025. Режим доступа: Локальная сеть Науч. 6-ки Том. Гос. ун-та.
8. Постановление Правительства РФ от 21.09.2006 № 583 (ред. от 01.11.2012) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2007–2012 годы» // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025. Режим доступа: Локальная сеть Науч. 6-ки Том. Гос. ун-та.
9. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 15.07.2024) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025. Режим доступа: Локальная сеть Науч. 6-ки Том. Гос. ун-та.
10. Авдей А. Г., Алексеева Н. И., Арошоае М. О. Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии: коллективная монография / под ред. И. В. Воронцовой. — Казань: Отечество, 2020. — С. 150–155.
11. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.: (с изм. от 1 июля 2020 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. М., 2025. — Режим доступа: локальная сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та.
12. Удовенко О. Б. Актуальные проблемы информатизации судебной системы // Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия. — 2020. — Т. 16. — С. 468–473.

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Актуальные вопросы правового регулирования времени отдыха

Кузьмин Алексей Игоревич, студент магистратуры

Научный руководитель: Редикульцева Елена Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Вятский государственный университет (г. Киров)

В статье автор исследует актуальные вопросы правового регулирования времени отдыха в Российской Федерации. Анализируются нормы законодательства, современные вызовы в сфере труда, выявляются пробелы в регулировании отдельных видов времени отдыха. Формулируются предложения по совершенствованию трудового законодательства с целью обеспечения баланса между трудовой нагрузкой и отдыхом работников.

Ключевые слова: время отдыха, перерывы, нерабочее время, отпуск.

Институт времени отдыха представляет собой фундаментальную категорию трудового права, выполняющую широкий спектр функций и обеспечивающую реализацию ключевых социальных и трудовых прав. Несмотря на устоявшийся характер данного института, его правовое регулирование продолжает сталкиваться с рядом нерешенных проблем. Некоторые из них носят устойчивый, системный характер и на протяжении длительного времени остаются без должного нормативного урегулирования, несмотря на их значимость для правоприменительной практики. Другие вопросы приобрели актуальность сравнительно недавно, став следствием стремительных изменений в характере трудовой деятельности, цифровизации и трансформации форм занятости. В совокупности эти обстоятельства обуславливают необходимость анализа некоторых современных проблем правового регулирования времени отдыха и возможностей их устранения.

Одной из ключевых методологических проблем, имеющих как теоретическое, так и практическое значение, является соотношение понятий «время отдыха» и «нерабочее время». Несмотря на внешнюю схожесть, эти категории не являются тождественными ни по объему, ни по содержанию, что порождает некоторые споры и определенные трудности в правоприменении.

Стоит отметить, что используемый в трудовом законодательстве термин «время отдыха» (статьи 106, 107 Трудового кодекса Российской Федерации [1]) не соответствует критерию юридической определенности (поскольку охватывает разнородные по функциональной нагрузке периоды), что противоречит принципу формальной определенности права. В течение так называемого «времени отдыха» работник нередко осуществляет иные виды деятельности, не связанные с рекреацией: обучение, уход за близкими, выполнение иных обязанностей. Во всех этих случаях работник объективно не от-

дыхает, а значит, термин «время отдыха» приобретает характер правовой фикции, отражая не содержание, а лишь юридический статус отсутствия труда.

В этой связи представляется обоснованным вопрос о возможности использования альтернативной терминологии — в частности, термина «нерабочее время». Данный термин характеризуется более нейтральной формулировкой, поскольку лишен идеологической и социальной окраски, присущей понятию «отдых», которое зачастую апеллирует к субъективному восприятию состояния покоя или восстановления. Представляется целесообразным рассматривать возможность отказа от термина «время отдыха» как единственного обозначения периодов вне труда. Но вместо полного отказа от термина можно ограничить его содержание исключительно восстановительными формами и включить его в надкатегорию «нерабочего времени» как более универсального конструкта, отвечающего современным условиям труда.

Подобный подход к расширению понятийной базы находит подтверждение и в международной практике. В большинстве развитых стран мира термин «отдых» трактуется в узком смысле — как период, предусмотренный для восстановления трудоспособности работника. Остальные периоды вне исполнения трудовых обязанностей обозначаются иными терминами: «внерабочее время», «отсутствие на рабочем месте», «социальный отпуск» и др. В частности, в Канаде и Великобритании используется термин *time off*, в США — *non-working time* и *leave*, в Германии — *freizeit*, во Франции — *temps libre* и *temps de repos* [8].

Одним из наименее урегулированных, но критически важных видов времени отдыха является междусменный отдых — период для восстановления работоспособности работников и обеспечения безопасности труда. Несмотря на то, что Трудовой кодекс РФ (статья 107) формально относит его к числу видов времени отдыха, его содержание

и, особенно, минимальная продолжительность в федеральном законодательстве не раскрыты. Исторически данный пробел компенсировался Постановлением СНК СССР от 24 сентября 1929 года «О рабочем времени и времени отдыха в предприятиях и учреждениях, переходящих на непрерывную производственную неделю» (утратило силу 04.10.2017) [3]. Согласно п. 11 указанного документа, минимальная продолжительность междусменного отдыха должна была составлять не менее двойной продолжительности предшествующей смены, включая перерыв на отдых и питание. Аналогичные положения содержались и в Санитарно-эпидемиологических правилах СП 2.2.2.1327–03 (утратили силу 01.01.2021) [4]. С учетом значимости междусменного отдыха представляется важным восполнить этот пробел. Законодательное закрепление (в тексте Трудового кодекса) минимальной продолжительности ежедневного отдыха для всех категорий работников позволит устранить неоднозначность в правоприменении и обеспечит единые стандарты охраны труда вне зависимости от специфики отрасли или режима работы.

Среди всех видов времени отдыха отпуск традиционно рассматривается как ключевая и наиболее защищенная форма восстановления работоспособности. Правовое регулирование отпусков представляет собой ядро института времени отдыха, и любые, даже, казалось бы, незначительные упущения в этой сфере способны привести к системному нарушению трудовых прав работников. Тем не менее, анализ действующего законодательства и правоприменительной практики показывает, что и в этой сфере сохраняются серьезные пробелы, требующие скорейшего устранения.

Во-первых, сохраняется проблема подмены одного вида отдыха другим, что приводит к деформации правового содержания института отпуска. В частности, еженедельный непрерывный отдых (выходные дни) может быть формально заменен ежегодным отпуском. Это происходит, например, когда часть отпуска предоставляется исключительно на выходные дни либо начинается с выходного дня работника. Более серьезное нарушение связано с вахтовыми работниками, которым отпуск предоставляется в счет межвахтового периода, что лишает их самостоятельного периода отдыха (или его части). Наложение одного вида отдыха на другой приводит к фактическому сокращению общего объема времени восстановления, гарантированного работнику. Это должно являться предметом особого контроля Государственной инспекции труда.

Во-вторых, вызывает обоснованную критику отсутствие в Трудовом кодексе РФ прямого требования об обязательном и заблаговременном ознакомлении работников с графиком отпусков. Установленный минимальный срок извещения — не менее чем за две недели до начала отпуска — часто не позволяет работнику полноценно спланировать свое время, включая приобретение билетов, бронирование проживания или решение семейных вопросов. Это ограничивает возможность эффективного ис-

пользования отпуска по его прямому назначению. Такая норма могла бы быть введена в части второй статьи 123 Трудового кодекса РФ в формулировке «С графиком отпусков работник должен быть ознакомлен под роспись в течение двух недель с момента его утверждения, не считая времени отсутствия работника на работе».

Наконец, третьей актуальной проблемой является правовой запрет на предоставление отпуска в экстренном порядке — менее чем за три календарных дня до его начала. Даже при согласии работодателя и наличии уважительных обстоятельств у работника предоставление отпуска оказывается невозможным без нарушения закона, поскольку трудовое законодательство обязывает работодателя произвести выплату отпускных не позднее чем за три дня до начала отпуска (часть девятая ст. 136 Трудового кодекса РФ). Очевидно, что необходима специальная норма, прямо допускающая возможность предоставления отпуска в кратчайшие сроки, без учета трехдневного срока выплаты при достижении соглашения сторон. Такие законодательные инициативы обсуждались и даже вносились в Государственную думу РФ [5], однако были отклонены, в том числе с учетом, представления Правительством РФ отрицательного отзыва.

Более того, в настоящее время формально действует общее правило об уведомлении работника о начале отпуска не позднее чем за 14 календарных дней, что создает предпосылки для правовых споров. Так, в части третьей статьи 123 Трудового кодекса РФ, по нашему мнению, целесообразно уточнить формулировку, дополнив ее следующим образом: «О времени начала отпуска в соответствии с графиком отпусков работник должен быть извещен под роспись не позднее чем за две недели до его начала».

Особое значение в рамках анализа времени отдыха приобретает вопрос компенсации за работу в условиях ненормированного рабочего дня. В данном случае наиболее отчетливо проявляется дихотомия между рабочим временем и временем отдыха: сам факт установления такого режима труда означает потенциальное вторжение рабочего времени в периоды, которые в обычных условиях подлежат отнесению ко времени отдыха. Первоначально механизм ненормированного рабочего дня рассматривался как исключительная мера, допустимая лишь в редких случаях, с обязательной компенсацией в виде дополнительного отдыха. Однако в современной практике использование ненормированного рабочего дня нередко приобретает систематический (а не эпизодический) характер, при этом такая, фактически сверхурочная, занятость формально не фиксируется и не оплачивается.

Данный вопрос неоднократно, в том числе и в 2024 году был предметом законодательной инициативы [6], на которую Правительством РФ был также направлен отрицательный отзыв. В связи с этим было бы необходимо четко и твердо устранить дисбаланс между фактическим рабочим временем и условной компенсацией в виде отпуска, который ставит под сомнение эффективность установленного механизма и требует пересмотра действующего

подхода с учетом принципа соразмерности ограничения времени отдыха и предоставляемых гарантий. В частности, можно предложить сохранить установленный минимальный порог — три календарных дня ежегодного дополнительного отпуска — как базовую компенсацию за сам режим, сопряженный с повышенной психологической и физической нагрузкой вследствие возможного внепланового привлечения к труду. Дополнительно следует предусмотреть пропорциональную компенсацию фактически отработанных вне установленного графика часов — посредством предоставления соответствующего времени отдыха в объеме не менее объема переработки — если она составляет в совокупности более трех рабочих дней конкретного работника.

Современная трудовая реальность неразрывно связана с процессами цифровизации, стремительно изменяющими характер занятости и формирующими новые модели взаимодействия между работником и работодателем. Одним из наиболее ярких проявлений цифровой трансформации стала платформенная занятость, при которой труд осуществляется через цифровые платформы, выступающие в качестве посредников между заказчиком и исполнителем. Несмотря на очевидные признаки зависимости, включенности в производственный процесс и наличие трудовых рисков, подавляющее большинство таких отношений оформляется в гражданско-правовой форме. Это приводит к исключению исполнителей платформенной занятости из сферы действия трудового законодательства — включая нормы, гарантирующие право на отдых. Отказ от трудовправовой квалификации в пользу самозанятости или оказания услуг лишает работника доступа к установленным гарантиям времени отдыха: ежегодного оплачиваемого отпуска, междусменного отдыха, выходных и праздничных дней. В связи с этим представляется необходимым нормативное закрепление презумпции трудовых отношений в случаях платформенной занятости. В противном случае институт времени отдыха утрачивает свое универсальное защитное значение, превращаясь в привилегию «классического» работника.

В настоящее время на основании Постановления Совета Федерации от 12.02.2025 [2] в Правительстве РФ идет разработка законопроекта о платформенной занятости, и вызывает обоснованную обеспокоенность, что вышеуказанные вопросы о времени отдыха таких

платформенных работников не будут в надлежащей мере учтены.

Еще одной правовой проблемой, порожденной цифровизацией, является режим труда дистанционных работников. В условиях удаленной занятости контроль за временем труда и временем отдыха оказывается затрудненным, а сами границы между ними — размытыми. Работник, находясь вне физического рабочего пространства, зачастую воспринимается работодателем как постоянно доступный, что ведет к стиранию пределов личного времени и де-факто увеличению продолжительности рабочего дня.

Особую актуальность в данном контексте приобретает концепция «права на отключение» (right to disconnect), предполагающая гарантированную возможность не выходить на связь в нерабочее время без негативных последствий для работника. Такое право закреплено в законодательстве многих европейских стран, в частности, Бельгии, Франции, Италии, Испании [7]. В действующем российском законодательстве подобная норма прямо не закреплена, хотя ее необходимость подтверждается как международной практикой, так и растущими жалобами работников на постоянную «доступность». Представляется обоснованным нормативное закрепление права дистанционного работника на недоступность в период времени отдыха, а также обязанности работодателя не направлять поручения вне рамок рабочего времени, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом. Это обеспечит восстановление баланса между трудом и личной жизнью, соответствующего современной модели устойчивой занятости.

Подводя итоги, отметим, что действующее законодательство, несмотря на формальную завершенность, не всегда обеспечивает эффективную реализацию прав работников. Законодательные конструкции зачастую основаны на устаревших представлениях о труде и отдыхе, игнорируют изменившиеся формы занятости и разнообразие ситуаций, в которых отсутствует труд, но не наступает отдых в подлинном смысле. Очевидно, что право на отдых должно быть не формально-юридическим, а содержательно обеспеченным — с учетом реальной нагрузки, условий труда и новых моделей занятости. Без адаптации к этим вызовам трудовое право рискует утратить не только свою социальную направленность, но и способность эффективно выполнять защитную функцию в условиях современной экономики.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ; ред. от 07.06.2025: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025. — Текст: электронный // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 — Ст. 3. — Режим доступа: справ.-правов. система «Гарант».
2. Текущее состояние и перспективы развития рынка труда и сферы занятости населения: Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 12.02.2025 № 14-СФ. — Текст: электронный // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 7 — Ст. 546. — Режим доступа: справ.-правов. система «Гарант».
3. О рабочем времени и времени отдыха в предприятиях и учреждениях, переходящих на непрерывную производственную неделю: Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 24.09.1929. — Утратило силу. —

Текст: электронный. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. — 1929. — № 63 — Ст. 586. — Режим доступа: справ.-правов. система «Гарант».

4. О введении в действие санитарно-эпидемиологических правил СП 2.2.2.1327-03: Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 26 мая 2003 г. № 100. — Отменено. — Текст: электронный // Российская газета. — 2003. — № 119/1-20 июня. — Режим доступа: справ.-правов. система «Гарант».
5. О внесении изменения в статью 136 Трудового кодекса Российской Федерации (об уточнении порядка оплаты отпуска): Законопроект № 219349-8. — Текст: электронный // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: офиц. сайт. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/219349-8> (дата обращения 16.06.2025).
6. О внесении изменений в статьи 101 и 119 Трудового кодекса Российской Федерации в части ограничения использования ненормированного рабочего дня: Законопроект № 683073-8. — Текст: электронный // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: офиц. сайт. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/683073-8> (дата обращения 16.06.2025).
7. Eurofound. Right to disconnect: Exploring company practices. — Text: electronic // Luxembourg: Publications Office of the European Union. — 2021. — 56 p. — URL: <https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/report/2021/right-to-disconnect-exploring-company-practices> (accessed: 16.06.2025).
8. Glowacka, M. J. A little less autonomy? The future of working time flexibility and its limits / M. J. Glowacka. — Text: electronic // European Labour Law Journal. — 2020. — Vol. 12, no. 2. — P. 113-133. — URL: <https://doi.org/10.1177/2031952520922246> (accessed: 16.06.2025).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Критерии оценки степени общественной опасности преступлений, предусмотренных статьями 290–291.2 УК РФ

Дзусов Руслан Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой

Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассмотрены вопросы определения критериев степени общественной опасности преступлений, связанных со взяточничеством, исходя из содержания норм уголовного закона, проведен анализ юридической литературы, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Исходя из проведенного анализа законодательной базы, юридической литературы, обозначена возможность совершенствования уголовного закона и правоприменительной практики, указаны возможные направления для дальнейших исследований.

Ключевые слова: взятка, взяточничество, общественная опасность взяточничества.

Criteria for assessing the degree of public danger of crimes provided for in articles 290–291.2 of the criminal code of the Russian Federation

The article discusses the issues of determining the criteria for the degree of public danger of crimes related to bribery, based on the content of the criminal law, and analyzes legal literature and the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Based on the analysis of the legislative framework and legal literature, the article identifies opportunities for improving the criminal law and law enforcement practices, and suggests possible areas for further research.

Keywords: a bribe, bribery, the public danger of bribery.

Согласно общим сведениям о состоянии преступности в Российской Федерации, опубликованным МВД РФ, за январь — апрель 2025 года показатель зарегистрированных преступлений, связанных со взяточничеством на 25,5% выше, чем за аналогичный период 2024 г. [13, с. 6; 14, с. 6]. Приведенные статистические данные свидетельствуют о необходимости повышенного внимания правоохранителей и исследователей к расследованию и к исследованию указанных преступлений. Важнейшим вопросом, касающимся квалификации преступлений, предусмотренных ст. ст. 290–291.2. УК РФ является правильная оценка степени их общественной опасности [16]. От оценки степени общественной опасности преступления зависит строгость наказания, назначаемого судом. Для качественного проведения оценки степени общественной опасности преступления необходимо определить четкие критерии, в соответствии с которыми данная оценка осуществляется.

Цель работы — определить критерии оценки степени общественной опасности преступлений, предусмотренных ст. ст. 290–291.2. УК РФ [16].

Для достижения цели работы необходимо решить следующие задачи:

- провести анализ теоретического аспекта определения критериев степени общественной опасности преступлений, предусмотренных ст. ст. 290–291.2. УК РФ [16];
- провести анализ нормативной основы, и обобщенной правоприменительной практики, связанной с определением критериев степени общественной опасности преступлений, предусмотренных ст. ст. 290–291.2. УК РФ [16].

Предмет исследования — критерии оценки степени общественной опасности преступлений, предусмотренных ст. ст. 290–291.2. УК РФ [16].

В качестве методов исследования использованы: метод анализа, метод синтеза, индуктивный метод.

Рассматривая теоретический аспект определения критериев оценки степени общественной опасности взяточничества, приведем некоторые точки зрения, изложенные в юридической литературе.

О необходимости определения степени общественной опасности преступлений, связанных со взяточничеством, причиненного ущерба и их взаимосвязи с ответственностью за содеянное пишет В. Н. Борков [3, с. 60–64].

Среди работ, в которых рассмотрены квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки, закрепленные в уголовном законе, свидетельствующие о повышенной степени общественной опасности преступлений, связанных со взяточничеством, можно назвать работы А. А. Амосовой [1, с. 83–87]; Д. В. Мирошниченко [8, с. 71–79; с. 105–111; с. 132–139]; Р. А. Сабитова [12, с. 380–387]; В. К. Дуюнова, А. Г. Хлебушкина [5, с. 356–366]; Н. В. Бугаевской [4, с. 157–163] и др.

В юридической литературе можно встретить точки зрения, допускающие возможность совершенствования уже существующих уголовно — правовых норм.

Так, представляется интересной точка зрения, изложенная А. А. Амосовой, касающаяся возможности учета наступивших или возможных последствий получения взятки в виде «причинения вреда интересам безопасности государства» [1, с. 83–87]. По нашему представлению, предлагаемый критерий может быть конкретизирован, поскольку понятие безопасности государства является довольно объемным, включающим ряд составляющих, в связи с чем, в некоторых случаях такой критерий может быть истолкован достаточно широко, а, в других, напротив, не учтен при квалификации содеянного.

В контексте оценки размера взятки как критерия степени общественной опасности преступления, представляет интерес исследование Г. Н. Мироновой, которая отмечает сложность оценки размера взятки в денежном выражении некоторых видов взятки: услуг имущественного характера, имущественных прав (когда передаются купоны на обслуживание, скидочные карт и пр.), в связи с неопределенностью объема использования взяткополучателем полученных прав и неосведомленностью об этом взяткодателя [7, с. 22–26].

Говоря о размере взятки приведем точку зрения Б. Т. Разгильдиева, на которую ссылается А. В. Коваль, согласно которой «часто именно ничтожная сумма взятки может быть свидетельством большей общественной опасности взяткополучателя, поскольку является показателем его большей продажности» [6, с. 9–14; 11, с. 87]. Приведенная точка зрения, по нашему представлению, является довольно убедительной, поскольку свидетельствует о беспринципности, продажной сущности мелкого взяточника, его готовности и способности к предательству интересов государства даже за получение мелкой взятки. Кроме этого, приведенная позиция, как представляется, опровергает сложившееся представление (в том числе нашедшее отражение в уголовно — правовых нормах) о том, что чем больше размер взятки — тем выше степень общественной опасности преступления, а, чем меньше размер взятки, тем степень общественной опасности ниже.

Е. Ю. Антонова приходит к выводу о том, что «размер взятки не должен быть основным критерием оценки сте-

пени общественной опасности взяточничества» [2, с. 91–97].

Обратим внимание на позицию, изложенную Д. М. Фарахиевым, Р. С. Куликовым, согласно которой «способы получения и (или) дачи взятки, как использование электронных или информационно — телекоммуникационных сетей, а также электронных средств платежа... повышают уровень общественной опасности в силу изощренности, латентности и анонимности преступников — взяточников» [17, с. 71–76]. Как представляется, подобные способы, действительно, могут свидетельствовать о хитрости преступников и повышенной общественной опасности таких преступлений.

Проводя анализ нормативной основы, следует иметь ввиду, что в соответствии с конструкцией составов преступлений, предусмотренных ст. 290–291.2. УК РФ, примечанием 1 к ст. 290 УК РФ к критериям, повышающим степень общественной опасности преступления (в зависимости от конструкции конкретного состава преступления) законодатель отнес: размер взятки в денежном выражении; характер действий субъектов преступлений; их должностное положение; форму соучастия; способ совершения преступления; наличие судимости у лица за совершение определенных преступлений [16].

В контексте определения критериев степени общественной опасности взяточничества следует рассмотреть содержание соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ [10; 9]. Не приводя указанные разъяснения в полном объеме, в общем, отметим, что в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 от 9 июля 2013 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» содержатся критерии названные нами выше, закрепленные в уголовном законе [10]. Согласно п. 36 вышеуказанного постановления: необходимо «исполнять требования закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания лицам, совершившим коррупционные преступления с использованием своего служебного положения, учитывая при оценке степени общественной опасности содеянного содержание мотивов и целей, значимость обязанностей, которые были нарушены, продолжительность преступных действий (бездействия), характер и тяжесть причиненного вреда, другие фактические обстоятельства и данные о личности виновного» [10].

Кроме этого, исследуя вопросы определения критериев степени общественной опасности, необходимо обратить внимание на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, содержащиеся в постановлении № 58 от 22 декабря 2015 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [9]. Согласно содержанию абз. 4 п. 1 указанного постановления: «степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторож-

ности (легкомыслие или небрежность). Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание (статьи 61 и 63 УК РФ) и относящиеся к совершенному преступлению (например, совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания, особо активная роль в совершении преступления), также учитываются при определении степени общественной опасности преступления» [9].

Проведя анализ уголовного закона, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, юридической литературы, касающейся определения критериев общественной опасности взяточничества сделаем выводы:

— в качестве критериев оценки степени общественной опасности преступлений, предусмотренных ст. ст. 290–291.2. УК РФ (в зависимости от конкретного состава преступления) в уголовном законе закреплены: размер взятки в денежном выражении; должностное положение субъекта преступления; характер действий (бездействия), обусловленных взяткой (законные или незаконные); состав участников (группа лиц по предварительному сговору или организованная группа); способ совершения преступления (с вымогательством); наличие у субъекта преступления судимости за совершение преступлений, предусмотренных ст. 290–291.2. УК РФ [16]. Указанные критерии являются обязательными для правоприменителей. Помощь правоприменителям в правильной оценке степени общественной опасности того или иного преступления оказывают разъяснения Пленума Верховного Суда РФ [9; 10];

— по нашему представлению, в целом, содержащиеся в юридической литературе точки зрения, связанные с определением критериев степени общественной

опасности преступлений, связанных со взяточничеством можно разделить на две группы: согласующиеся с содержанием уголовного закона в полном объеме; допускающие возможность совершенствования отдельных норм уголовного закона [16]. По нашему представлению, предлагаемые авторами работ изменения и дополнения могут способствовать совершенствованию уголовного закона и правоприменительной практики при условии достаточной продуманности и обоснованности предлагаемых изменений;

— в качестве общих направлений для дальнейших исследований обозначим совершенствование существующих и выработку дополнительных критериев оценки степени общественной опасности преступлений. При этом, могут быть учтены изменяющиеся обстоятельства совершения исследуемых преступлений, развитие и использование преступниками новых способов их совершения. Представляется возможным совершенствование ст. 291.2. УК РФ путем закрепления дополнительных критериев степени общественной опасности, содержащихся в ст. ст. 290, 291 УК РФ: способов совершения преступления, состава участников [16]. Кроме этого, представляется возможным и целесообразным проведение исследований, направленных на совершенствование уже существующих критериев, закрепленных в нормах уголовного закона, например, изменение размеров взятки в денежном выражении (значительного, крупного, особо крупного) (примечание 1 к ст. 290 УК РФ) исходя из статистики совершенных преступлений с учетом размера взяток; возможная криминализация посредничества во взяточничестве (ст. 291.1. УК РФ) в случаях, когда размер взятки составляет 25 000 рублей и меньше [16].

Литература:

1. Амосова А. А. Теоретические аспекты дифференциации уголовной ответственности за получение взятки // Теория и практика общественного развития. 2020. № 11 (153). С. 83–87 [Электронный ресурс]: сайт Электронной библиотеки КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-differentsiatsii-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-poluchenie-vzyatki> (дата обращения: 03.06.2025 г.).
2. Антонова Е. Ю. Дифференциация уголовной ответственности за взяточничество и коммерческий подкуп // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2021. № 1 (105). С. 91–97. [Электронный ресурс]: сайт Электронной библиотеки КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/differentsiatsiya-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-vzyatochnichestvo-i-kommercheskiy-podkup> (дата обращения: 03.06.2025 г.).
3. Борков В. Н. Взяточничество: объект и причиняемый вред // Вестник Сургутского государственного университета. 2019. Вып. 2 (24). С. 60–64. [Электронный ресурс]: сайт Электронной библиотеки КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzyatochnichestvo-obekt-i-prichinyaemy-vred> (дата обращения: 30.05.2025 г.).
4. Бугаевская Н. В. К вопросу о совершенствовании уголовной ответственности за получение взятки (ст. 290 УК РФ) // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 1–2. С. 157–163. [Электронный ресурс]: сайт Электронной библиотеки КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sovershenstvovanii-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-poluchenie-vzyatki-st-290-uk-rf> (дата обращения: 03.06.2025 г.).
5. Дуюнов В. К., Хлебушкин А. Г. Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика: Монография. — М.: РИОР: ИНФРА-М, 2013. — 372 с. — (Научная мысль).
6. Коваль А. В. Размер взятки как критерий дифференциации ответственности за взяточничество // Вестник Сургутского государственного университета. 2018. Вып. 3 (21). С. 9–14. [Электронный ресурс]: сайт Электронной библиотеки КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razmer-vzyatki-kak-kriteriy-differentsiatsii-otvetstvennosti-za-vzyatochnichestvo> (дата обращения: 30.05.2025 г.).

7. Миронова Г. Н. Влияние размеров взятки и коммерческого подкупа на квалификацию коррупционных преступлений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 3 (40). С. 22–26. [Электронный ресурс]: сайт Электронной библиотеки КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-razmerov-vzyatki-i-kommercheskogo-podkupa-na-kvalifikatsiyu-korrupsionnyh-prestupleniy> (дата обращения: 03.06.2025 г.).
8. Мирошниченко Д. В. Квалификация взяточничества: учеб. пособие. — М.: Юрлитинформ, 2017. — 168 с.
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 58 от 22 декабря 2015 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [Электронный ресурс]: сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/8470/> (дата обращения: 16.06.2025 г.).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 24 от 09 июля 2013 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [Электронный ресурс]: сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/8355/> (дата обращения: 16.01.2025 г.).
11. Разгильдиев Б. Т. Некоторые уголовно-правовые проблемы взяточничества // Актуальные проблемы экономики и законодательства России и стран СНГ-2002: материалы междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2002. С. 87–89.
12. Сабитов Р. А. Противодействие коррупции и коррупционным правонарушениям в России: учеб. пособие. — М.: Юрлитинформ, 2018. — 520 с.
13. «Состояние преступности в России за январь — апрель 2024 года» // Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно — аналитический центр». Москва. — 63 с. [Электронный ресурс]: официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/50761212/> (дата обращения: 19.06.2025 г.).
14. «Состояние преступности в России за январь — апрель 2025 года» // Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно — аналитический центр». Москва. — 63 с. [Электронный ресурс]: официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/65027102/> (дата обращения: 19.06.2025 г.).
15. Уголовное право России: в 2 т. Т. 1 / под ред. Н. Г. Кадникова. М., 2018. 436 с.
16. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ [Электронный ресурс]: официальный интернет — портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891&ysclid=1w2k667ozq349391901> (дата обращения: 16.01.2025 г.).
17. Фарахияев Д. М., Куликов Р. С. Общественная опасность получения и дачи взятки // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2023. № 4. С. 71–76. [Электронный ресурс]: сайт Электронной библиотеки КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-opasnost-polucheniya-i-dachi-vzyatki> (дата обращения: 30.05.2025 г.).

Проблемы квалификации преступлений, совершенных организованной группой (по материалам судебной и прокурорской практики)

Саркисян Анна Самвеловна, студент

Научный руководитель: Побегайло Анастасия Эдуардовна, кандидат юридических наук, доцент

Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

В статье рассматриваются проблемы квалификации преступлений, совершенных организованной группой, с учетом судебной и прокурорской практики. Анализируются ключевые признаки организованной группы, такие как устойчивость, наличие руководителя, распределение ролей и согласованность действий. Особое внимание уделено трудностям правоприменения, связанным с установлением границ между организованной группой и группой лиц по предварительному сговору, индивидуализацией наказания, а также неоднородностью судебной практики при рассмотрении дел о коррупционных и иных преступлениях. В статье предлагаются меры по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики в данной сфере.

Ключевые слова: квалификация преступлений, организованная группа, устойчивость группы, правоприменение, индивидуализация наказания, преступное сообщество, уголовное законодательство.

Совершение преступлений в составе организованной группы является квалифицирующим признаком, значительно усложняющим процесс уголовно-правовой

оценки. Судебная и прокурорская практика показывает, что проблемы квалификации таких преступлений обусловлены сложностью установления признаков органи-

зованной группы, различиями в правоприменении и необходимостью индивидуализации наказания участников преступного сообщества.

Квалификация преступлений, совершенных организованной группой, представляет собой одну из наиболее сложных задач в российском уголовном праве. Согласно части 3 статьи 35 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) [1], организованная группа определяется как устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Ключевыми признаками такой группы являются устойчивость, наличие организатора или руководителя, распределение ролей и согласованность действий участников. Однако судебная практика показывает, что выявление и доказывание данных признаков сопряжено с существенными трудностями.

Устойчивость организованной группы предполагает её долговременное существование и способность к совершению преступлений на протяжении определенного периода времени. Вопрос об устойчивости требует оценки ряда факторов, включая стабильность состава, наличие предварительного сговора, регулярность преступной деятельности и сохранение структуры группы вне зависимости от привлечения её участников к уголовной ответственности.

Вопрос уголовно-правовой квалификации заключается в установлении четких критериев дифференциации между организованной группой и группой лиц, действующих согласно предварительной договоренности, что предусмотрено положениями части второй статьи 35 Уголовного кодекса Российской Федерации [5, С. 62].

Четкая иерархия внутри криминального объединения выступает определяющим показателем структурированности группы. Распределение функциональных обязанностей между участниками охватывает различные аспекты противоправной деятельности, включая непосредственное совершение преступных деяний, сбор информации, логистическое сопровождение и обеспечение безопасности. Дифференциация ролевых функций соучастников зачастую носит условный характер, создавая сложности при определении степени вовлеченности каждого члена преступного формирования в противоправную деятельность.

Согласованность преступных действий среди участников организованной группы представляет собой комплексную правовую проблему. Взаимодействие преступников основывается на едином замысле, скоординированных методах работы и совместном использовании криминальных ресурсов.

Законодательное установление меры уголовной ответственности для членов организованной группы представляет существенную проблему правоприменения. Индивидуализация наказания предполагает всестороннюю оценку роли каждого соучастника в осуществлении преступных действий. Сложность доказывания персонального участия отдельных членов группы в реализации криминального плана создает значительные

препятствия при расследовании. Повышенная общественная опасность деяний, совершенных организованной группой, обуславливает более суровые санкции по сравнению с преступлениями, осуществленными единолично или группой лиц по предварительному сговору, что требует скрупулезного анализа материалов уголовного дела [8, С. 7].

При рассмотрении уголовных дел, связанных с деятельностью организованных преступных групп, судебная практика демонстрирует разнообразие подходов к квалификации действий участников и определению меры их ответственности. Различия в правоприменении обусловлены сложностью установления признаков организованной группы, различием в интерпретации фактических обстоятельств дела и необходимостью индивидуального подхода к назначению наказания. Анализ судебных решений показывает, что судами допускаются различные ошибки, а также существуют противоречия в квалификации преступных действий, что приводит к отмене или изменению приговоров высшими инстанциями.

Примером такой ситуации является дело Танаева В. В. и Лисина А. А., рассмотренное в Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 марта 2023 года № 59-УД23-2-К9 [3]. В этом случае обвиняемые были привлечены к уголовной ответственности за преступления, совершенные в составе группы. Впоследствии кассационная инстанция внесла изменения в приговор суда первой инстанции и апелляционное постановление, приняв во внимание доводы кассационной жалобы представителя потерпевшего. Данный случай показывает, что судебные инстанции нередко пересматривают квалификацию преступлений, что подчеркивает сложность правоприменения в этой сфере и необходимость унификации судебной практики.

Квалификация коррупционных преступлений создает существенные сложности для правоприменителей при определении признаков организованной группы и роли каждого фигуранта в совершенных деяниях. Судебная практика демонстрирует значительное количество ситуаций, когда при рассмотрении дел суды игнорируют систематичность противоправных действий и наличие устойчивых связей между соучастниками даже при очевидном разграничении их функций. Показательным примером служит уголовное дело о получении взятки группой должностных лиц по статье 290 УК РФ, где суд первой инстанции не усмотрел признаков организованной группы, что привело к необоснованному смягчению наказания. Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. N 12, разъясняет правоприменителям необходимость признания организованной группой любого устойчивого объединения лиц, действующего по отработанной преступной схеме, вне зависимости от наличия строгой иерархической структуры, что требует всестороннего анализа материалов дела при юридической оценке содеянного [2].

Данные примеры подтверждают, что судебная практика по уголовным делам, связанным с деятельностью организованных преступных групп, нередко демонстрирует противоречия и разночтения. В одних случаях суды первой инстанции допускают ошибки при квалификации преступных действий, что приводит к пересмотру решений вышестоящими судами. В других ситуациях высшие инстанции вносят изменения в судебные акты, уточняя меру ответственности участников преступных групп. Это свидетельствует о необходимости выработки четких критериев квалификации преступлений, разработке единых методических рекомендаций для судов и следственных органов, а также усилении контроля за соблюдением норм уголовного законодательства. Внедрение таких мер позволит минимизировать судебные ошибки, обеспечить правовую определенность и единообразие в правоприменении, что, в свою очередь, повысит эффективность борьбы с организованной преступностью [6, С. 294–295].

Современное уголовное законодательство требует модернизации положений, регламентирующих ответственность участников организованных преступных формирований. Законодателю необходимо конкретизировать формулировку части 3 статьи 35 УК РФ путем включения детализированных признаков организованности преступной группы. Правоприменительная практика нуждается в установлении временных рамок функционирования преступного объединения, закреплении обязательного распределения функциональных обязанностей между участниками и определении вклада каждого соучастника в криминальную деятельность. Подобные нормативные уточнения позволят минимизировать случаи неверной квалификации временных преступных объединений как организованных групп и обеспечат корректное разграничение преступных сообществ от групп, действующих по предварительному сговору [7, С. 78–83].

Разработка единых методических указаний для правоохранительных органов и судебной системы обеспечит стандартизацию процедур установления устойчивости криминальных объединений. Методология доказывания распределения функций между соучаст-

никами преступной деятельности требует унификации подходов к сбору и оценке доказательственной базы, что значительно снизит вероятность квалификационных ошибок в правоприменительной практике. Детальное изучение роли каждого фигуранта уголовного дела способствует справедливому определению меры ответственности. Применение четких критериев дифференциации участников преступных формирований предотвращает ситуации назначения более суровых санкций рядовым исполнителям по сравнению с руководящим составом криминальных групп.

Правоприменительная практика требует ужесточения надзора за реализацией положений пункта «в» части 1 статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации об отягчающем обстоятельстве в виде совершения преступления организованной группой. Судебные органы нередко упускают необходимость применения данного квалифицирующего признака, что приводит к необоснованному занижению меры ответственности виновных лиц. Совершенствование механизмов судебного контроля, включая усиление надзорных полномочий вышестоящих инстанций, обеспечит единообразное толкование нормы и укрепит правовую стабильность. Квалификация деяния предполагает всестороннюю оценку функциональной роли каждого участника организованной группы, масштаба его криминальной активности и специфики исполняемых преступных функций [4, С. 181–183].

Таким образом, квалификация преступлений, совершенных организованной группой, представляет сложную проблему уголовного права. Основные трудности связаны с доказыванием устойчивости группы, определением ролей участников и индивидуализацией наказания. Неоднородность правоприменения приводит к противоречивым судебным решениям, особенно в коррупционных делах. Для совершенствования законодательства необходимо уточнение критериев организованности группы, разработка методических рекомендаций, дифференциация ответственности участников и усиление контроля за применением квалифицирующих признаков. Эти меры повысят справедливость квалификации и объективность судебных решений.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 N 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Бюллетень Верховного Суда РФ, N 8, август, 2010
3. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 марта 2023 г. N 59-УД23-2-К9 — URL: https://gkrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22032023-n-59-ud23-2-k9/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения 07.03.2025).
4. Аккаева, Х. А. Формы проявления организованной преступной деятельности / Х. А. Аккаева // Право и управление. — 2024. — № 3. — С. 180–186.
5. Балеев, С. А. Организованная группа в российском уголовном законодательстве: форма соучастия в преступлении или преступное объединение? / С. А. Балеев, А. М. Балафендиев // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2021. — Т. 2, № 4 (100). — С. 61–68.

6. Голиева, Ф. О. Вопросы отграничения организованной группы от других видов преступных групп / Ф. О. Голиева // Научные труды студентов Горского государственного аграрного университета «Студенческая наука — агро-промышленному комплексу»: Научные труды студентов Горского государственного аграрного университета, Владикавказ, 04–05 апреля 2019 года. Том 56/2. — Владикавказ: Горский государственный аграрный университет, 2019. — С. 294–296.
7. Жукова, С. С. Регламентация ответственности за групповое совершение преступления в уголовном законодательстве России: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Жукова София Сергеевна, 2022. — 222 с.
8. Макаров, А. Н. Проблемы квалификации преступлений за соучастия в совершении преступлений / А. Н. Макаров // Юридический факт. — 2022. — № 180. — С. 6–9.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Типичные ошибки предварительного расследования и пути их решения

Байрамов Магаммед Тахир оглы, студент магистратуры

Научный руководитель: Корнев Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

В статье рассматриваются наиболее распространенные ошибки, допускаемые на стадии предварительного расследования, и анализируются возможные пути их устранения. Исследование основано на анализе судебной практики, нормативно-правовых актов и научных трудов в области уголовного процесса. Особое внимание уделяется проблемам, связанным с собиранием доказательств, соблюдением процессуальных норм и обеспечением прав участников уголовного судопроизводства. Предлагаются меры, направленные на повышение качества расследования и минимизацию нарушений.

Ключевые слова: предварительное расследование, уголовный процесс, следственные ошибки, досудебное производство, доказательства, процессуальные нарушения.

Предварительное расследование является ключевым этапом уголовного судопроизводства, от качества которого во многом зависит законность и обоснованность итогового решения по делу. Однако на практике следователи и дознаватели нередко допускают ошибки, приводящие к нарушению прав участников процесса, фальсификации доказательств или даже прекращению уголовных дел.

Актуальность темы обусловлена необходимостью совершенствования досудебного производства, поскольку ошибки, допущенные на этой стадии, могут повлечь за собой не только отмену приговора, но и серьезные социальные последствия, включая незаконное осуждение невиновных лиц. В данной статье рассматриваются типичные процессуальные и тактические ошибки, а также предлагаются способы их предотвращения.

Одной из наиболее распространенных проблем предварительного расследования является недобросовестное или некорректное собирание доказательств. В некоторых случаях следователи ограничиваются формальным подходом, не проверяя достоверность показаний свидетелей или заключений экспертов. Это приводит к тому, что в материалах дела оказываются противоречивые или недостоверные сведения.

Кроме того, встречаются нарушения при оформлении протоколов следственных действий. Например, отсутствие подписей участников или неполное отражение хода обыска, допроса могут стать основанием для признания доказательств недопустимыми. Для решения данной про-

блемы необходимо усилить контроль за соблюдением процессуальных норм при проведении следственных действий. Важным шагом может стать более широкое использование современных технических средств фиксации, таких как аудио- и видеозапись, что позволит минимизировать субъективные искажения информации. Кроме того, особое внимание следует уделять тщательной проверке доказательств уже на стадии предварительного следствия, чтобы исключить возможность их оспаривания в суде.

Несоблюдение сроков расследования — еще одна серьезная проблема. Затягивание предварительного следствия может привести к утрате доказательств, истечению сроков давности или нарушению прав обвиняемого на своевременное рассмотрение дела. В целях оптимизации сроков расследования целесообразно внедрить автоматизированные системы контроля за процессуальными сроками, которые позволят своевременно выявлять и устранять задержки. Также важно пересмотреть нагрузку на следователей, поскольку их перегруженность часто становится причиной затягивания расследования. Кроме того, необходимо установить четкие регламенты продления сроков с обязательным указанием объективных причин, что повысит дисциплину и ответственность должностных лиц.

Нередко следователи пренебрегают правами подозреваемых и обвиняемых, например, не разъясняют им право на защитника или не предоставляют возможность ознакомиться с материалами дела. Подобные нарушения могут повлечь отмену судебного решения и требуют систем-

ного подхода к их устранению. В первую очередь необходимо повышать юридическую грамотность сотрудников правоохранительных органов через регулярное обучение и аттестацию. Прокурорский надзор также должен быть усилен, чтобы своевременно выявлять и пресекать нарушения прав участников процесса. Еще одним перспективным направлением является внедрение электронного документооборота, который ускорит доступ к материалам дела и снизит риск злоупотреблений.

Некоторые ошибки связаны с низким уровнем профессиональной подготовки сотрудников. Это проявляется в неумении правильно квалифицировать преступления, планировать расследование или анализировать доказательства. Для решения этой проблемы необходимо внедрить систему регулярного повышения квалификации следователей, включающую не только теоретическую подготовку, но и разбор реальных уголовных дел с анализом допущенных ошибок. Разработка методических рекомендаций по расследованию сложных категорий дел также позволит стандартизировать подходы и минимизировать субъективные ошибки.

Предупреждение ошибок на стадии предварительного расследования требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, повышение профессионального уровня следователей и усиление про-

курорского надзора. Только при условии соблюдения всех процессуальных норм можно гарантировать справедливость и законность уголовного судопроизводства.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что большинство ошибок предварительного расследования носит системный характер и требует комплексного решения. Основные проблемы связаны с недостатками в организации следственной работы, профессиональной подготовке кадров и механизмах контроля.

Для повышения качества расследования необходимо сосредоточиться на трех ключевых направлениях: совершенствование методического обеспечения следственной деятельности, внедрение современных технологий фиксации доказательств, и усиление ведомственного контроля. Особое значение имеет разработка четких стандартов проведения следственных действий и создание системы регулярного повышения квалификации следователей.

Реализация этих мер позволит не только сократить количество процессуальных нарушений, но и повысит эффективность досудебного производства в целом. Дальнейшие исследования могли бы быть направлены на разработку конкретных методик оценки качества следствия и создание унифицированных стандартов следственной работы.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, N 52 (часть I), ст. 4921
2. Сырлыбаев Марат Кайдарович Ошибки на стадии предварительного расследования: правовая природа и причины // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oshibki-na-stadii-predvaritelnogo-rassledovaniya-pravovaya-priroda-i-prichiny> (дата обращения: 16.06.2025).
3. Агакшиева Бигимгъа Алиевна Проблемы предварительного следствия в российской федерации и пути их решения // Закон и право. 2020. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-predvaritelnogo-sledstviya-v-rossiyskoy-federatsii-i-puti-ih-resheniya> (дата обращения: 16.06.2025).
4. Марихова, Н. И. Типичные нарушения, допускаемые органами предварительного расследования, являющиеся препятствием для рассмотрения судом уголовного дела по существу / Н. И. Марихова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 47 (233). — С. 95–99. — URL: <https://moluch.ru/archive/233/54148/> (дата обращения: 16.06.2025).

Проблемы института мер уголовно-процессуального принуждения

Киселев Артем Андреевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Корнев Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

Статья посвящена анализу проблем, связанных с институтом мер уголовно-процессуального принуждения. Рассматриваются ключевые недостатки правового регулирования, приводящие к неоднозначной практике применения МУП, несоответствию мер тяжести преступления, неэффективности контроля за их исполнением и нарушению прав человека.

Ключевые слова: меры уголовно-процессуального принуждения (МУП), правовое регулирование, домашний арест, подписка о невыезде, залог, эффективность, профессиональная подготовка, контроль, права человека, недостатки законодательства, ресурсное обеспечение, правоохранительные органы, уголовный процесс.

Институт мер уголовно-процессуального принуждения (МУП) играет ключевую роль в обеспечении эффективного расследования преступлений и отправлении правосудия. Он представляет собой совокупность процессуальных действий, направленных на преодоление противодействия расследованию и обеспечение надлежащего осуществления уголовного процесса. Однако, несмотря на свою важность, институт МУП сталкивается с рядом серьезных проблем, требующих пристального внимания и незамедлительного решения.

Одной из фундаментальных проблем, существенно снижающих эффективность института мер уголовно-процессуального принуждения (МУП), является нечеткость и противоречивость правового регулирования. Действующее законодательство, призванное регламентировать применение МУП, часто содержит неясности, пробелы и внутренние противоречия, что приводит к значительным трудностям в его интерпретации и на практике порождает неоднозначную судебную практику. Отсутствие четко сформулированных критериев для выбора конкретной меры принуждения в зависимости от обстоятельств дела оставляет широкий простор для субъективного толкования норм права со стороны правоохранительных органов. Это ведет к произволу и возможности злоупотреблений, когда выбор меры принуждения может быть определен не объективными факторами дела, а личными убеждениями или внешним давлением. Недостаточно детализированная процедура применения МУП также способствует субъективизму и оставляет возможность для манипуляций. Отсутствие строго регламентированных этапов процедуры, нечеткое определение компетенции различных участников уголовного процесса и отсутствие эффективных механизмов контроля за соблюдением процедурных норм усиливают риск нарушения прав и свобод граждан. Эта проблема особенно остро проявляется в отношении таких распространенных мер, как домашний арест, подписка о невыезде и залог. Отсутствие четких и единых стандартов применения этих мер, не установленные единообразно критерии оценки рисков бегства или уничтожения доказательств, а также недостаточно регулируемая процедура

контроля за соблюдением условий этих мер приводят к тому, что они применяются непоследовательно, и их эффективность значительно снижается. Для устранения этих недостатков необходимо провести тщательную ревизию действующего законодательства, уточнить критерии применения каждой меры МУП, детализировать процедуру их применения и усилить контроль за их соблюдением. Разработка единых стандартов и методических рекомендаций, а также повышение квалификации правоохранительных органов в области применения МУП являются неотъемлемыми условиями для улучшения ситуации и обеспечения справедливости и эффективности уголовного судопроизводства.

Несоответствие мер уголовно-процессуального принуждения тяжести совершенного преступления также является серьезной проблемой. В ряде случаев применяются чрезмерно строгие меры к лицам, подозреваемым или обвиняемым в относительно незначительных преступлениях, что нарушает принцип соразмерности наказания и ограничивает права и свободы граждан. С другой стороны, недостаточно жесткие меры к лицам, подозреваемым в тяжких и особо тяжких преступлениях, могут способствовать укрытию от следствия, уничтожению доказательств и препятствованию правосудию.

Неэффективность контроля за исполнением мер уголовно-процессуального принуждения является одной из наиболее актуальных проблем. Отсутствие должного надзора за соблюдением установленных ограничений со стороны правоохранительных органов и соответствующих контролирующих инстанций позволяет обвиняемым игнорировать предписания и уклоняться от ответственности. Недостаток механизмов оперативного реагирования на нарушения создает благоприятные условия для злоупотреблений и ослабляет эффективность всего института МУП.

Проблема обеспечения прав и свобод человека тесно связана с применением мер уголовно-процессуального принуждения. Несоблюдение установленных законом гарантий прав подозреваемых и обвиняемых, такие как право на защиту, право на обжалование, право на получение квалифицированной юридической помощи, при-

водит к нарушению принципов справедливости и законности. Часто применяются меры, которые излишне ограничивают свободу личности, не имея при этом достаточного обоснования.

Отсутствие четкого механизма взаимодействия между различными правоохранительными органами при применении МУП затрудняет координацию действий и снижает эффективность работы. Несогласованность в действиях следствия, прокуратуры и суда может приводить к затягиванию сроков расследования, к нарушению процессуальных сроков и к негативным последствиям для всех участников уголовного процесса.

Недостаточный уровень профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, занимающихся применением мер уголовно-процессуального принуждения, представляет собой одну из наиболее серьезных проблем, препятствующих эффективному функционированию всей системы. Это не просто недостаток, а системная проблема, которая сказывается на всех этапах процесса — от принятия решения о применении той или иной меры до ее исполнения и контроля. Отсутствие глубоких и системных знаний действующего законодательства, включая все его тонкости и нюансы, становится причиной частых ошибок, приводящих к нарушению прав и свобод граждан. Неумение правильно оценить конкретную ситуацию, учесть все обстоятельства дела, адекватно взвесить риски и последствия применения той или иной меры — все это приводит к необоснованным решениям, которые могут иметь далеко идущие негативные последствия. Например, некорректное применение домашнего ареста может привести к бегству обвиняемого, а необоснованное ограничение свободы — к длительным судебным разбирательствам и негативному общественному резонансу. Недостаток навыков в области криминалистики, психологии и социологии, необходимых для правильной оценки поведения подозреваемых и обвиняемых, также способствует принятию ошибочных решений. Кроме того, недостаток практики работы с различными категориями дел и отсутствие опыта в применении современных технологий расследования существенно ограничивают возможности правоохранительных органов. В итоге, некомпетентность сотрудников приводит не только к снижению эффективности работы, но и к утрате доверия к правоохранительным органам со стороны общества. Необходимо проведение регулярных курсов повышения квалификации, включающих изучение новейшего законодательства, практические тренинги по применению МУП и обмен опытом с лучшими специалистами. Также следует уделять большее внимание аттестации сотрудников и введению строгой системы ответственности за профессиональные ошибки.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. — Текст: электронный // Consultant: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 15.05.2025).

Недостаток средств и ресурсов, выделяемых на обеспечение эффективного применения мер уголовно-процессуального принуждения, является не менее серьезной проблемой, чем недостаток квалификации сотрудников. Отсутствие адекватного финансирования приводит к невозможности реализации необходимых мероприятий, обеспечивающих эффективный контроль за соблюдением наложенных ограничений. Это касается как материально-технической базы, так и кадрового обеспечения. Отсутствие современных технических средств контроля, таких как GPS-мониторинг, системы видеонаблюдения, специальные программные комплексы для анализа информации, значительно ограничивает возможности правоохранительных органов в контроле за подозреваемыми и обвиняемыми, предотвращая возможные нарушения. Нехватка квалифицированного персонала для осуществления этого контроля, включая специалистов по техническим средствам и аналитикам данных, также является серьезным фактором, снижающим эффективность работы. Низкий уровень материально-технического обеспечения, включая недостаток транспорта, связи и других необходимых средств, затрудняет оперативное реагирование на возможные нарушения и снижает эффективность работы правоохранительных органов в целом. Необходимо увеличение финансирования на эти цели, включая приобретение современного оборудования и программных продуктов, а также повышение зарплаты сотрудников для привлечения и удержания квалифицированных специалистов. Только при достаточном финансировании можно решить проблему недостатка ресурсов и повысить эффективность применения мер уголовно-процессуального принуждения. Ситуация требует не отдельных мер, а комплексной программы реформирования с четко определенным финансированием и контролем за его использованием.

Для решения обозначенных проблем необходимо комплексное усовершенствование законодательства, усиление контроля за применением МУП, повышение профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов и обеспечение достаточных финансовых и материально-технических ресурсов. Необходимо также уделить особое внимание гармонизации законодательства и установлению четких критериев применения каждой из мер, чтобы обеспечить соразмерность и эффективность их применения. Внедрение новых технологий, усиление межведомственного взаимодействия и повышение уровня правовой культуры населения также сыграют важную роль в решении проблем института мер уголовно-процессуального принуждения. Только комплексный подход позволит создать эффективную систему, которая обеспечит баланс между интересами правосудия и защитой прав и свобод человека.

2. Лобунец, Е. С. К вопросу о неотложных следственных действиях / Е. С. Лобунец. — Текст: непосредственный // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Теоретические и практические проблемы организации раскрытия и расследования преступлений». —: Дальневосточный юридический институт МВД РФ, 2016. — С. 199–202.
3. Павлова, А. А. Иные меры уголовно-правового характера как институт уголовного права: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Павлова А. А.; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». — Москва, 2011. — 27 с. — Текст: непосредственный.
4. Хатуаева, В. В. Безотлагательность и исключительность как детерминирующие признаки неотложных следственных действий / В. В. Хатуаева, Е. В. Рябцева. — Текст: непосредственный // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2015. — №№ 2. — С. 120–132.

Проблемы обоснованности решения об избрании меры пресечения

Тарасов Павел Павлович, студент магистратуры

Научный руководитель: Корнев Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

В данной статье рассматриваются проблемы обоснованности решений судов об избрании меры пресечения в отношении обвиняемых. Анализируются существующие законодательные нормы, судебная практика и выявляются основные недостатки, приводящие к принятию необоснованных решений. Предлагаются рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики для обеспечения законности, и справедливости в этой сфере.

Ключевые слова: мера пресечения, обоснованность, законность, судебная практика, уголовный процесс, права обвиняемого, принцип соразмерности, доказательства, международные стандарты, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, личность обвиняемого, обжалование, Альтернативные меры пресечения.

Избрание меры пресечения — критический этап уголовного процесса, непосредственно затрагивающий фундаментальные права обвиняемого на свободу и неприкосновенность личности. Необоснованное применение мер пресечения, даже временных, может привести к необратимым последствиям, включая репутационный ущерб, финансовые потери и психологическую травму. Гарантии законности и обоснованности в этой сфере являются неотъемлемой частью справедливого правосудия. Настоящая статья подробно рассматривает существующие проблемы и предлагает конкретные рекомендации по их решению.

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (УПК РФ), мера пресечения — это процессуальная мера, применяемая к подозреваемым и обвиняемым с целью обеспечения уголовного судопроизводства. Основными задачами мер пресечения являются предотвращение побегов, воспрепятствование уничтожению улик и защита общества от потенциальной угрозы со стороны обвиняемого.

Законодательные основы и принципы обоснованности. Детальный разбор УПК РФ регламентирует порядок избрания мер пресечения, определяя их виды, основания применения и процедурные требования. Однако абстрактность формулировок часто приводит к неоднозначному толкованию и различной судебной практике. Анализ законодательства показывает недостаточную конкрети-

зацию понятий, таких как «достаточные основания», «риск уклонения от суда», «риск уничтожения доказательств». Необходимость более четкого регулирования является ключевой для обеспечения единого подхода к применению мер пресечения. Кроме того, необходимо более детальное регулирование условий применения определенных мер пресечения, например, домашнего ареста или залога, с учетом конкретных обстоятельств дела.

Проблемы обоснованности решений, расширенный анализ. Недостаточность и ненадлежащая оценка доказательств. Часто решения принимаются на основе недостаточных доказательств или доказательств, полученных с нарушением закона. Необходимо более строгое соблюдение правил доказывания и критериев оценки доказательств, включая правила о допустимости доказательств.

Нарушение принципа соразмерности, применяются чрезмерно строгие меры пресечения, не соответствующие тяжести инкриминируемого преступления и личности обвиняемого. Необходимо усилить контроль за соблюдением принципа соразмерности и разработать более четкие критерии оценки соответствия меры пресечения обстоятельствам дела.

Влияние предвзятости и стереотипов, субъективные факторы, такие как предвзятость и стереотипы, могут влиять на принятие решений. Необходимо проводить работу по преодолению предвзятости и повышению объективности судей.

Отсутствие единой судебной практики и недостаточный доступ к прецедентному праву. Необходимо создания более доступной и систематизированной базы данных по судебной практике, а также разработка методических рекомендаций для судов.

Неэффективное использование альтернативных мер пресечения, альтернативные меры пресечения (залог, домашний арест, подписка о невыезде) применяются не всегда в полной мере, несмотря на то, что они могут быть более гуманными и эффективными в некоторых случаях.

Прокуроры играют ключевую роль в процессе избрания меры пресечения, однако их влияние иногда приводит к тому, что решения принимаются не в интересах правосудия, а в интересах обвинения. Это может создавать предвзятость в процессе и нарушать баланс между правами сторон. Меры пресечения, особенно в виде содержания под стражей, могут существенно ограничивать права обвиняемых. Часто отсутствует надлежащая защита прав подозреваемых и обвиняемых на стадии избрания меры пресечения, что приводит к нарушениям их прав.

Также оказывается сильное психологическое воздействие на обвиняемых. Содержание под стражей оказывает значительное психологическое воздействие на обвиняемых. Множество исследований показывает, что длительное содержание под стражей приводит к ухудшению психического здоровья, что может повлиять на возможность адекватной защиты. Это также может привести к признаниям вины под давлением, что еще больше усложняет ситуацию.

Пути решения проблем: усовершенствование законодательства, а именно необходимы изменения в уголовно-процессуальном законодательстве, направленные на более четкое определение критериев, по которым суды

должны принимать решения об избрании меры пресечения. Введение обязательного учета индивидуальных обстоятельств дела может помочь снизить произвол и повысить степень обоснованности решений.

Введение практики привлечения независимых экспертов для оценки обоснованности избрания меры пресечения может способствовать более справедливым решениям и защитить права обвиняемых. Такие эксперты могут предоставлять независимую оценку рисков и предлагать альтернативные меры пресечения.

Поддержка и развитие правозащитных организаций, занимающихся защитой прав подозреваемых и обвиняемых, может способствовать более эффективному контролю за процессом избрания меры пресечения. Эти организации могут выполнять роль наблюдателей и предоставлять помощь обвиняемым, что повысит уровень ответственности судебных органов.

Более широкое применение альтернативных мер пресечения (залог, домашний арест, подписка о невыезде). Стимулирование применения альтернативных мер пресечения в соответствии с принципом соразмерности и условиями дела.

Проблемы обоснованности решения об избрании меры пресечения в Российской Федерации требуют комплексного подхода и системных изменений. Усовершенствование законодательства, повышение квалификации судебных работников и активное участие правозащитных организаций могут существенно улучшить ситуацию в данной области. Защита прав человека и обеспечение справедливости в уголовном процессе должны стать приоритетом для всех участников судебной системы. Важно, чтобы каждый обвиняемый имел возможность на справедливое судебное разбирательство и защиту своих прав.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: УПК: текст с изменениями и дополнениями на 21 апреля 2025 года: [принят Государственной думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года]. — Москва: Проспект, 2025. — 416 с.; 20 см. — (Кодексы. Законы. Нормы). — 10000 экз. — ISBN 978-5-392-41903-6. — Текст: непосредственный.
2. Макогон, А. А. К вопросу о целях меры пресечения в виде заключения под стражу / А. А. Макогон. — Текст: непосредственный // Криминалист. — 2019. — № 3 (28). — С. 42–43.
3. Диков, Г. В. Право на свободу и меры пресечения в уголовном процессе — подходы Европейского суда / Г. В. Диков. — Текст: непосредственный // Журнал конституционного правосудия. — 2013. — № 5. — С. 22–29.
4. Колоколов, Н. А. Уголовное судопроизводство: теория и практика / Н. А. Колоколов. — 2-е. — Москва: Юрайт, 2020. — 274 с. — Текст: непосредственный.
5. Курченко, В. Н. Пределы исследования судом обоснованности подозрения // Уголовный процесс / В. Н. Курченко. — Текст: непосредственный // Журнал конституционного правосудия. — 2014. — № 11. — С. 50–59.
6. Лебедев, В. М. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса РФ / В. М. Лебедев. — 6-е. — Москва: Юрайт, 2013. — 246 с. — Текст: непосредственный.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПЕНИТЕНЦИАРИЯ

Условное осуждение: теория и практика

Нургалиев Ильдар Исмагилович, студент магистратуры

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», представительство в г. Казани

В статье рассматриваются актуальные вопросы применения условного осуждения в российской уголовно-правовой системе. Анализируется сущность условного осуждения как меры уголовно-правового воздействия, его цели и основания применения. Особое внимание уделяется проблемам, возникающим в судебной практике при назначении условного осуждения, таким как определение испытательного срока, возложение дополнительных обязанностей на осужденного, а также основания отмены условного осуждения.

Ключевые слова: условное осуждение, суд, эффективность.

Условное осуждение, предусмотренное статьей 73 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), представляет собой меру уголовно-правового характера, при которой суд, признав подсудимого виновным в совершении преступления, не назначает реального наказания, а устанавливает испытательный срок. В течение этого срока осужденный должен своим поведением доказать исправление.

Основная цель условного осуждения — исправление лица, совершившего преступление, без изоляции от общества. Это позволяет избежать негативного воздействия тюремной среды и сохранить социальные связи осужденного, способствуя его ресоциализации.

Суд принимает решение об условном осуждении, учитывая характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства. Важным условием является возможность исправления осужденного без реального отбывания наказания.

На протяжении испытательного срока условно осужденный находится под контролем специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за его поведением. Осужденный обязан соблюдать установленные судом ограничения и выполнять возложенные на него обязанности, такие как трудоустройство, прохождение лечения от алкоголизма или наркомании и др.

В случае систематического неисполнения осужденным возложенных на него обязанностей или совершения им нового преступления, суд может отменить условное осуждение и назначить реальное наказание. И наоборот, если осужденный своим поведением доказал исправление, суд может досрочно снять условное осуждение.

Практика применения условного осуждения свидетельствует о его эффективности в отношении лиц, со-

вершивших преступления небольшой и средней тяжести, а также тех, кто впервые совершил преступление. Эта мера позволяет достичь целей уголовного наказания, не прибегая к изоляции от общества.

Теоретические основы условного осуждения базируются на принципах гуманизма, экономии уголовной репрессии и индивидуализации наказания. Гуманизм предполагает приоритет исправления личности над карательными мерами. Экономия уголовной репрессии направлена на сокращение числа лиц, подвергаемых реальному лишению свободы, при условии достижения целей наказания иными средствами. Индивидуализация наказания требует учета всех обстоятельств дела и личности виновного при выборе меры уголовно-правового воздействия.

Практика применения условного осуждения показывает, что наиболее часто оно назначается за преступления, не связанные с насильственными действиями, такие как кражи, мошенничества, преступления в сфере экономической деятельности. При этом суды тщательно анализируют данные о личности подсудимого, его семейном положении, наличии постоянного места работы, состоянии здоровья и другие факторы, которые могут свидетельствовать о возможности его исправления без изоляции от общества.

Несмотря на гуманистическую направленность, условное осуждение не является безусловным освобождением от ответственности. Оно предполагает активное поведение осужденного, направленное на исправление. Неисполнение возложенных судом обязанностей, уклонение от контроля, совершение административных правонарушений, а тем более новых преступлений, может повлечь отмену условного осуждения и назначение реального наказания.

Эффективность условного осуждения оценивается по показателям рецидивной преступности среди лиц, подвергнутых данной мере. Статистические данные свидетельствуют о том, что процент совершения повторных преступлений среди условно осужденных ниже, чем среди лиц, отбывших реальное лишение свободы. Это подтверждает целесообразность применения условного осуждения в качестве альтернативы лишению свободы в отношении лиц, не представляющих серьезной опасности для общества.

Важным аспектом применения условного осуждения является установление испытательного срока. Продолжительность испытательного срока определяется судом в пределах, установленных уголовным законом, и зависит от тяжести совершенного преступления, личности виновного и других обстоятельств дела. В течение испытательного срока условно осужденный находится под контролем специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за его поведением и исполнением возложенных обязанностей.

Судебная практика показывает, что условное осуждение эффективно в отношении лиц, впервые совершивших преступления небольшой или средней тяжести, положительно характеризующихся по месту жительства и работы, имеющих устойчивые социальные связи и искренне раскаявшихся в содеянном. В таких случаях условное осуждение позволяет достичь целей наказания без изоляции от общества и способствует социальной реабилитации осужденного.

Вместе с тем, необходимо учитывать, что условное осуждение не может применяться ко всем категориям преступников. Оно нецелесообразно в отношении лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, представляющих повышенную опасность для общества, а также в отношении злостных рецидивистов, не желающих встать на путь исправления. В таких случаях реальное лишение свободы является необходимым для обеспечения безопасности граждан и поддержания правопорядка.

Совершенствование практики применения условного осуждения предполагает дальнейшее развитие системы пробации, расширение перечня обязанностей, возлагаемых на условно осужденных, и повышение эффективности контроля за их поведением. Важным направлением является также разработка и внедрение программ социальной реабилитации и ресоциализации условно осужденных, направленных на устранение причин и условий, способствовавших совершению преступления, и оказание им помощи в трудоустройстве, получении образования и решении других социальных проблем.

Эффективность во многом зависит от качества работы органов, осуществляющих контроль за условно осужденными. Важно обеспечить индивидуальный подход к каждому осужденному, учитывать его особенности и потребности, а также оказывать ему необходимую помощь и поддержку. Особое внимание следует уделять про-

филактике совершения повторных преступлений, в том числе путем проведения воспитательной работы и оказания психологической помощи.

Одним из проблемных аспектов применения условного осуждения является недостаточность контроля за исполнением условно осужденными возложенных на них обязанностей. В ряде случаев условно осужденные уклоняются от исполнения обязанностей, нарушают общественный порядок и совершают новые преступления. В связи с этим необходимо усилить контроль за поведением условно осужденных, в том числе путем использования современных технологий и методов надзора.

Для повышения эффективности условного осуждения необходимо также совершенствовать законодательство в этой сфере. В частности, следует уточнить критерии применения условного осуждения, расширить перечень обязанностей, которые могут быть возложены на условно осужденных, и установить более строгую ответственность за нарушение условий условного осуждения.

В целом, условное осуждение является важным институтом уголовного права, позволяющим достичь целей наказания без изоляции от общества и способствующим социальной реабилитации осужденных. Однако для его применения необходимо совершенствовать законодательство, улучшать работу органов, осуществляющих контроль за условно осужденными, и развивать систему пробации.

Одним из ключевых направлений совершенствования системы условного осуждения является развитие системы пробации. Пробация представляет собой комплекс мер, направленных на социальную реабилитацию осужденных, оказание им помощи в трудоустройстве, получении образования и решении других социальных проблем. Эффективная система пробации позволяет снизить риск совершения повторных преступлений и повысить шансы осужденных на успешную адаптацию в обществе.

Важным аспектом является межведомственное взаимодействие в вопросах исполнения условного осуждения. Необходимо обеспечить эффективное взаимодействие между органами внутренних дел, уголовно-исполнительной системой, органами социальной защиты населения, органами занятости и другими заинтересованными ведомствами. Это позволит обеспечить комплексный подход к решению проблем условно осужденных и оказать им необходимую помощь и поддержку.

Необходимо также развивать научные исследования в области условного осуждения. Следует изучать практику применения условного осуждения, выявлять проблемные аспекты и разрабатывать научно обоснованные рекомендации по совершенствованию законодательства и практики его применения.

В заключение следует отметить, что повышение эффективности условного осуждения является важной задачей, требующей комплексного подхода и совместных усилий всех заинтересованных сторон. Совершенствование законодательства, улучшение работы органов контроля,

развитие системы пробации и межведомственного взаимодействия позволят повысить эффективность условного осуждения и способствовать социальной реабилитации осужденных.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. От 21.04.2025) (с изм. И доп., вступ. В силу с 02.05.2025) — С. 30.
2. Кочои С. М. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник. Краткий курс. — М., 2009 — С. 15–18.
3. Сундулов Ф. Р., Талан М. В. Наказание в уголовном праве: Учебное пособие. — М.: Статут, 2015 — С. 192–198.
4. Уголовное право России. Общая часть: учебник / Под ред. В. П. Ревина. — М.: Юстицинформ, 2016 — С. 418–424.
5. Гуськова А. П., Муратова Н. Г. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства: Монография. — М.: ИГ «Юрист», 2005 — С. 79–95.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Международное сотрудничество и правовые механизмы защиты авторских и смежных прав на музыкальные произведения

Гринюк Лев Алексеевич, студент

Научный руководитель: Дейнеко Алексей Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент

Российский государственный университет имени Косыгина А.Н. (Технологии. Дизайн. Искусство) (г. Москва)

В статье рассматривается развитие авторского права в Великобритании, Франции, США и Китае, с акцентом на защиту музыкальных произведений и вызовы цифровой эпохи. Анализируются международные соглашения и автором подчеркивается необходимость гармонизации национального и международного законодательства.

Ключевые слова: авторское право, музыкальные произведения, международные договоры, цифровая эпоха, интеллектуальная собственность.

Законодательное оформление авторских прав берет свои истоки в Англии, где первым правовым актом, регулирующим эту сферу, стал Статут королевы Анны, принятый в 1710 году. Этот правовой акт ознаменовал важный этап в развитии авторского права, установив для авторов исключительное право на издание их произведений. Авторы имели возможность передавать это право издателям, однако, по прошествии 14 лет, получали его обратно. Именно тогда в юридический словарь вошло понятие «копирайт», обозначающее охрану опубликованных работ от несанкционированного тиражирования. Подчеркивается, что Статут королевы Анны в большей степени защищал интересы авторов, а не издательств, что послужило стимулом для развития новой отрасли права. Современное регулирование авторского права в Великобритании осуществляется на основе закона 1988 г. «Об авторском праве, промышленных образцах и патентах», положения которого раскрываются и детализируются через прецеденты.

Франция, вдохновленная английским примером и под влиянием буржуазной революции 1789 г., также приступила к созданию собственного законодательства в области авторского права. Первым важным шагом стал Декрет «О праве публичного представления произведения», принятый в июле 1791 г. Он заложил основу для защиты прав драматургов, предоставив им исключительное право на публичное представление их пьес в течение жизни, с последующей передачей этого права наследникам на 5 лет. Дальнейшим шагом стало принятие в июле 1793 г. Декрета «О праве на воспроизведение», который значительно расширил сферу защиты авторских прав. Этот правовой акт признал за авторами письменных произведений, композиторами и художниками исключительное право на коммерческое использование своих работ, включая продажу, распространение и пе-

редачу прав собственности. Кроме того, он увеличил срок перехода прав к наследникам до 10 лет. Стоит отметить, что *droit d'auteur* также переводится как авторское право, но это понятие отличается от копирайта тем, что больше направлено на моральные права автора, а не на имущественные. В целом, эти декреты ознаменовали значительный прогресс в развитии авторского права во Франции, существенно расширив перечень охраняемых объектов, включив рукописи, музыкальные произведения, гравюры и графику.

Одновременно с Европой, авторское право активно развивалось и в Соединенных Штатах Америки (США). В январе 1783 г. Генеральная ассамблея штата Коннектикут приняла Закон «О поддержке развития литературного творчества и поощрении авторов произведений», который предусматривал законодательную защиту авторского права не только авторов данного штата, но и авторов других штатов в случае принятия этими штатами аналогичного закона. Из-за отсутствия единого федерального закона об авторском праве в США, долгое время авторы могли защищать свои права, обращаясь в Конгресс конкретного штата с просьбой об издании специального закона. Однако необходимость в едином законе, регулирующем отношения между авторами, издателями и потребителями по всей стране, была очевидна. Такой закон, известный как Федеральный закон «О поддержке образования путем предоставления авторам и собственникам охраны копий карт, чертежей и книг в течение разумного срока», был принят в 1790 году. Он предоставлял правовую охрану как опубликованным, так и неопубликованным произведениям и устанавливал срок действия защиты в 14 лет. Интересно отметить, что этот закон не пользовался особой популярностью среди авторов: между 1790 и 1800 годами в США было издано более 15 000 работ, но только 779 из них были зарегистрированы [12, с. 54].

До XX века музыкальные произведения не считались самостоятельным объектом авторского права и были включены в более общую категорию — «художественные произведения». К примеру, в США законодательный акт, расширивший круг объектов авторских прав, где музыкальные произведения получили правовую охрану, вступил в силу только в 1909 году [10, с. 16].

Развитие авторского права в США продолжалось в течение XIX и XX веков. Важным этапом стало подписание президентом Эндрю Джексон 3 января 1831 года Закона «О внесении изменений и дополнений в закон об авторском праве 1790 г.», который впервые предоставил композиторам авторские права на их произведения. Закон запрещал несанкционированное перепечатывание и продажу нот. Значительные изменения произошли в 1909 году, когда вступил в силу новый Федеральный закон, значительно расширивший круг объектов, подлежащих авторской охране. Теперь, помимо литературных, авторским правом защищались музыкальные, музыкально-драматические и другие произведения. Этот закон закрепил за правообладателями возможность первого публичного исполнения своего произведения, после чего любое лицо, получившее лицензию, могло исполнять его, выплачивая роялти в размере 2 центов за каждое исполнение. Расширение перечня объектов авторского права было необходимо для регистрации и получения правовой защиты, однако не влияло на объем прав, уже осуществлявшихся авторами [11, с. 49]. Дальнейшее развитие законодательства привело к принятию 15 октября 1971 г. Закона «О внесении изменений и дополнений в закон об авторском праве 1909 г.», который включил в перечень объектов авторского права звукозаписи — записи голоса, звуков природы и любых других звуков. Кульминацией этого процесса стало принятие в 1976 году Закона США «Об авторском праве», который действует и в настоящее время.

Каждая страна, реализуя свой суверенитет, устанавливает и внедряет особенности правовой охраны авторских прав, руководствуясь национальными интересами и политическими приоритетами. Таким образом, нормы и законы, действующие в этой сфере, приобретают национальные особенности, характерные для каждой конкретной страны, при этом сохраняя международные основы защиты авторских и смежных прав.

Защита авторских прав на музыкальные произведения в Великобритании обеспечивается Законом «Об авторском праве, промышленных образцах и патентах», принятым в 1988 году. Статья 32 этого закона устанавливает, что копирование музыки возможно только при условии наличия лицензии на использование соответствующих произведений. За незаконное использование, воспроизведение и распространение музыкальной продукции предусмотрена ответственность в виде штрафа или тюремного заключения на срок от шести месяцев до года (ст. 198). Согласно статье 97А, британский суд может наложить арест на интернет-сервис или провайдера, либо заблокировать его, если будет доказано, что сервис был

уведомлен о нарушении авторских прав на его платформе и не принял необходимых мер для устранения нарушения [12].

Подобный подход к регулированию авторских прав в цифровой среде можно увидеть и в США, где 28 октября 1998 г. был принят Федеральный закон «Об авторском праве в цифровую эру». Этот ключевой законодательный акт определяет более строгую ответственность за использование интернет-ресурсов для совершения действий, нарушающих авторские права [10].

Защита авторских прав на музыкальные произведения во Франции базируется на приоритете личных неимущественных прав автора. Основным законом, регулирующим эту сферу, является Закон «Об авторском праве и смежных правах в информационном обществе» от 2006 г. Нарушение авторских прав, согласно статьям 335–2 и 335–4 этого закона, влечет за собой штраф до 300 000 евро или лишение свободы на срок до трех лет. Французское законодательство примечательно тем, что обеспечивает защиту объектам, размещенным в интернете, наравне с остальными и не делает различий между нарушением французского и иностранного законодательства в сфере авторского права, если правонарушение произошло во Франции [9, с. 12].

Законодательство Китайской Народной Республики (КНР) в области авторского права представляет собой сложную и противоречивую систему, отражающую баланс между экономическими интересами, политическим контролем и международными обязательствами. Одной из особенностей является предоставление иностранным авторам более широких прав по сравнению с китайскими авторами, что можно объяснить стремлением привлечь иностранные инвестиции и технологии. Обязательная регистрация объектов авторского права является еще одним отличительным элементом китайской системы. «Закон об авторском праве КНР», принятый в 1990 году, служит основой для регулирования этой сферы. Однако, ответственность за нарушения авторских прав на музыкальные произведения в интернете возлагается не только на нарушителя, но и на интернет-провайдера, что является инструментом цензуры и контроля за информацией. Требование к провайдерам выполнять указания «вышестоящих органов» и блокировать контент, противоречит международным нормам, в частности статье 8 Договора Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС). Этот конфликт между национальными законами и международными соглашениями подчеркивает сложность интеграции Китая в глобальную систему защиты интеллектуальной собственности.

Ограничиться национальным законодательством в регулировании отношений, связанных с распространением нематериальных объектов в киберпространстве, невозможно, поскольку этот процесс не имеет пространственных и персональных границ. Сами же объекты авторских прав имеют четкие границы, так как требуют объективного выражения, закрепленного нормами права.

Именно поэтому для эффективной защиты авторских прав необходима международная кооперация. На протяжении веков государства заключали множество конвенций и соглашений, которые стали основой для национальных законодательств большинства стран.

Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений, принятая в 1886 году, стала первым значимым международным соглашением в области авторского права [3]. Эта конвенция оказала определяющее влияние на развитие законодательства об авторском праве во многих странах, аккумулировав передовой опыт различных государств и объединив его в едином нормативно-правовом акте. К 2010 году Бернская конвенция объединяла 164 государства, что свидетельствует о ее широком признании и большой значимости.

В Женеве 6 сентября 1952 г. была заключена Всемирная конвенция об авторском праве, часто называемая Женевской конвенцией. Ее ключевой задачей было вовлечение в международную систему охраны авторских прав максимально широкого круга государств, что обусловило сравнительно невысокий уровень защиты объектов авторского права, предусмотренный этим соглашением. Таким образом, Женевская конвенция была ориентирована на страны, которые не были готовы к более строгим требованиям, стандартам и обязательствам.

Международная конвенция об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций (Римская конвенция), вступившая в силу 18 мая 1964 г., стала важным этапом в развитии системы смежных прав. Это соглашение закрепило международно-правовую защиту за объектами, производными от авторского права, и наделило субъектов смежных прав определенными имущественными правами. Значимым нововведением стало введение четких определений таких ключевых понятий, как «исполнитель», «фонограмма», «публикация», «воспроизведение», «ретрансляция» и других. В частности, под фонограммой понималась любая исключительно звуковая запись исполнения или других звуков [4]. Важную роль в охране фонограмм сыграла и Конвенция об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм, подписанная в Женеве 29 октября 1971 года [5]. Этот договор, направленный непосредственно на защиту прав производителей фонограмм, привлек большое количество государств, которые по различным причинам не стали участниками Римской конвенции.

Появление и стремительное развитие цифровых технологий в конце XX века оказало значительное влияние на сферу авторского права, потребовав от международного сообщества разработки новых механизмов защиты прав авторов и правообладателей в онлайн-среде. Ответом на эти вызовы стало принятие Договора по авторскому праву (ДАП) Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) [9]. ДАП, опираясь на положения Бернской конвенции, внес значительные изменения и дополнения в международную систему

авторского права, отражая необходимость адаптации к новым формам создания и распространения контента. Одновременно с ДАП был принят Договор ВОИС по исполнению и фонограммам (ДИФ), который расширил спектр прав, предоставляемых исполнителям и производителям фонограмм, и определил содержание данных прав, что способствовало более эффективной защите интересов исполнителей и производителей фонограмм в цифровой среде [7].

Принятие ДАП и ДИФ привело к появлению некоторых трудностей с определением места этих договоров в системе, образованной на основе Бернской конвенции. В настоящее время существует две основные позиции. Первая заключается в том, что принятие этих соглашений было излишним. Необходимо продолжать опираться на положения и «дух» Бернской конвенции, хотя и допускается более широкое толкование её норм в соответствии с новыми вызовами цифровой эпохи. Вторая позиция заключается в том, что Бернская конвенция устарела, а новые условия требуют не просто принятия соответствующих договоров, но и отказ от Бернской конвенции и создание новой системы правового регулирования авторских прав в цифровой среде.

Примером нового механизма международного сотрудничества в этой сфере является система WIPO Alert, в которой Россия принимает участие с 21 сентября 2020 года. Она направлена на борьбу с нарушением авторских прав в сети Интернет путем оперативного обмена информацией и координации действий между странами-участницами. Эта платформа представляет собой механизм сотрудничества между правообладателями и посредниками (включая интернет-провайдеров, рекламные сети и платежные системы) для снижения доступности контента, нарушающего авторские права, в сети Интернет. WIPO Alert позволяет правообладателям предоставлять проверенную информацию о нелегальных сайтах, которая затем распространяется среди посредников, чтобы они могли предпринять соответствующие меры, такие как блокировка доступа к сайтам или прекращение сотрудничества с ними [8].

Задачи современной эпохи требуют, нахождения баланса между защитой прав авторов и обеспечением доступа к знаниям и культуре в цифровой среде. Авторская позиция заключается в том, что нельзя идти по пути полного отказа от Бернской конвенции, но и нельзя игнорировать вызовы цифровой эпохи. Комбинированный подход, сочетающий в себе сохранение базовых принципов, развитие новых инструментов и гармонизацию законодательства, представляется наиболее перспективным для достижения этой цели. Важно, чтобы этот процесс был открытым, прозрачным и учитывал интересы всех заинтересованных сторон. Для этого необходимо продолжать развивать законодательство, которое будет регулировать авторские права в цифровую эпоху, но одновременно нельзя отказываться от фундаментальных основ, заложенных в Бернской конвенции. Новые договоры должны создавать гармоничную правовую основу

для реализации положений Бернской конвенции в условиях современного цифрового общества.

В сфере авторского права существует сложный баланс между национальными интересами государств и их международными обязательствами. Все перечисленные кон-

венции и соглашения направлены на достижение этого баланса, обеспечивая защиту прав авторов, исполнителей и других субъектов авторского права, а также устанавливая общие принципы международно-правовой охраны объектов авторского права.

Литература:

1. Copyright, Designs and Patents Act 1988 — Закон «Об авторских правах, промышленных образцах и патентах». [Электронный ресурс] URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988> (дата обращения: 08.02.2025).
2. Digital Millennium Copyright Act 1998 — Закон «Об авторском праве в цифровую эру». [Электронный ресурс] URL: <https://www.copyright.gov/legislation/dmca.pdf> (дата обращения: 08.02.2025).
3. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений // World Organization of Intellectual Property (WIPO). URL: <https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/berne/> (дата обращения: 25.02.2025).
4. Международная конвенция об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций (Рим, 26 октября 1961 г.). Артикул 3 // World Organization of Intellectual Property (WIPO). URL: <http://www.wipo.int/treaties/ru/ip/rome/> (дата обращения: 25.02.2025).
5. Конвенция об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм // World Organization of Intellectual Property (WIPO). URL: <https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/phonograms/> (дата обращения: 25.02.2025).
6. Договор ВОИС по авторскому праву // World Organization of Intellectual Property (WIPO). URL: <https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/wct/> (дата обращения: 25.02.2025).
7. Договор ВОИС по исполнению и фонограммам // World Organization of Intellectual Property (WIPO). URL: <https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/wppt/> (дата обращения: 25.02.2025).
8. WIPO ALERT // World Organization of Intellectual Property (WIPO). URL: <https://www.wipo.int/ru/web/wipo-alert/> (дата обращения: 25.02.2025).
9. Алисова Е. В. Актуальные проблемы защиты авторского права в сети «Интернет» // Е. В. Алисова. Современные научные исследования и инновации. М.: МФПУ «Синергия». — 2016. — № 7. — С. 12.
10. Дадян П. Г. Музыкальное произведение как самостоятельный объект авторского права: теоретико-правовое исследование: дис. канд. юрид. наук. — М., 2015. С. 143.
11. Понкин И. В. Краткий обзор истории развития права интеллектуальной собственности в Соединенных Штатах Америки // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2014. № 7. С. 49.
12. Татарникова А. А. Развитие источников авторского права США: конец XVIII века — середина XX века (историко-правовое исследование): Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 137.

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 7 (49) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 18.07.2025. Дата выхода в свет: 21.07.2025.

Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», Республика Татарстан, г. Казань,
ул. Академика Кирпичникова, д. 25.